ПАРТІЯ СОЦІАЛИСТОВЪ-РЕВОЛЮЦІОНЕРОВЪ

Въ борьбѣ обрѣтешь ты право свое

№ 14

ВИКТОРЪ ЧЕРНОВЪ

ИНТЕРНАЦІОНАЛЪ И ВОЙНА

СБОРНИКЪ СТАТЕЙ

ИЗДАНІЕ ВТОРОЕ

Цѣна 50 коп.

ПЕТРОГРАДЪ
1917

ПАРТІЯ СОЦІАЛИСТОВЪ-РЕВОЛЮЦІОНЕРОВЪ

Въ борьбѣ обрѣтешь ты право свое

№ 14

ВИКТОРЪ ЧЕРНОВЪ

ИНТЕРНАЦІОНАЛЪ И ВОЙНА

СБОРНИКЪ СТАТЕЙ

ИЗДАНІЕ ВТОРОЕ

Цѣна 50 коп.

ПЕТРОГРАДЪ
1917

Типографія П. П. Сойкина. Петроградъ, Стремянная, 12.

Предисловіе
КО ВТОРОМУ ИЗДАНІЮ.

Первое изданіе этой брошюры, которая посвящена скорбной повѣсти подготовленія и завершенія банкротства Интернаціонала, и ставитъ на очередь вопросъ о его возобновленіи, появилось заграницей, въ Женевѣ, въ 1915 году. Статьи, въ нее вошедшія, писались въ разное время, съ самыхъ первыхъ дней, принесшихъ намъ міровую, катастрофическую войну.

Первое изданіе вышло въ мрачную эпоху почти всеобщаго, почти огульнаго дезертирства знаменъ международнаго соціализма. Надо было особенное упорство, чтобы, несмотря ни на что, топать ногой о землю и повторять Галилеевы слова: e pur si muove! И все-таки—она движется!

Второе изданіе выходитъ въ моментъ перелома. Теперь уже нѣтъ болѣе сомнѣній. Интернаціоналъ будетъ возстановленъ. Его возстановитъ русская революція. Инииціаторомъ этого возстановленія будетъ окрыленный революціонною побѣдой русскій соціализмъ.

Исп. Комитетъ Совѣта Рабочихъ и Солдатскихъ депутатовъ уже зоветъ всѣ соціалистическія партіи міра на военный совѣтъ подъ красное знамя, радостно рѣющее надъ возрожденной и очищенной огнемъ революціи Россіей. Всѣ, въ комъ живетъ вѣрность великимъ общечеловѣческимъ идеаламъ Труда и Мира,—всѣ подъ него!

Викторъ Черновъ.

ПЕРВЫЙ ДЕБЮТЪ.

Въ вопросѣ объ отношеніи соціализма къ войнѣ, дебатированіе котораго занимало не разъ конгрессы второго Интернаціонала, исходнымъ пунктомъ является Брюссельскій конгрессъ 1891 года. И представляетъ немалый интересъ взглянуть, какъ же начиналъ въ этомъ вопросѣ столь постыдно обанкротившійся на немъ впослѣдствіи второй Интернаціоналъ? Каковъ былъ дебютъ, завершившійся такимъ финаломъ?

Протоколы конгресса даютъ намъ на это въ высшей степени краснорѣчивый отвѣтъ. Ихъ стоитъ внимательно проанализировать.

Для вопроса о войнѣ комиссія назначила двухъ докладчиковъ: одного отъ нѣмцевъ—Вильгельма Либкнехта, и другого отъ французовъ—Эдуарда Вайана. Выступленія обоихъ были крайне характерны.

Либкнехтъ началъ, разумѣется, съ заявленія объ отсутствіи розни между рабочимъ классомъ Франціи и Германіи. Для французскаго пролетаріата идеи реванша не имѣютъ притягательной силы. Эльзасъ-Лотарингскаго вопроса для соціализма не существуетъ.

Рабочій классъ всего міра враждебенъ войнѣ. Но его позиція здѣсь не похожа на позицію буржуазныхъ филантроповъ. Для него есть одна вѣчно длящаяся война—между классами. Самая война между народами есть ничто иное, какъ одинъ изъ аспектовъ, въ которыхъ представляется классовая борьба.

Передъ лицомъ международной солидарности пролетаріата противъ буржуазіи, послѣдняя нуждается въ ростѣ арміи. Скачка вперегонку по пути вооруженій чревата для міра труда роковой опасностью. Война, передъ которой всѣ ужасы 1870 г. будутъ простой дѣтской игрой, угрожаетъ Европѣ и можетъ отбросить цивилизацію назадъ на цѣлое столѣтіе. Пролетаріатъ долженъ воспрепятствовать ей, ведя неустанную пропаганду, чтобы избавить міръ отъ этой ужасающей катастрофы путемъ тріумфа соціализма. Единственная гарантія противъ бѣдствій милитаризма заключается въ соціалистической организаціи общества.

Либкнехтъ прибавляетъ, что комиссія сняла съ очереди предложенія о стачкѣ солдатъ и объ инсуррекціи въ случаѣ войны: предложенія эти внесены націями, въ данномъ вопросѣ некомпетентными, незнающими всей тяжести исконно военнаго режима.

Но она вноситъ предложенія—признать первомайскій праздникъ не только праздникомъ труда, но и праздникомъ братства народовъ. Вотъ и все.

Характерно, не правда ли? Характерно и это «упраздненіе» Эльзасъ-Лотарингскаго вопроса—путемъ перепрыгиванія черезъ него, вмѣсто его разрѣшенія. И теоретическое противорѣчіе—сначала яркое, прямое противопоставленіе классовой борьбы борьбѣ между народами, а, затѣмъ, въ обходъ его, превращеніе послѣдней въ «одинъ изъ аспектовъ» первой. Еще болѣе характеренъ здоровый пессимизмъ въ оцѣнкѣ грозящихъ послѣдствій международной войны: въ то время соціальдемократія еще не чувствовала потребности утѣшать себя «прогнозомъ», по которому война, въ концѣ-концовъ, только посодѣйствуетъ ускоренію соціалистическаго переустройства общества. Тѣмъ несостоятельнѣе «разрѣшеніе» вопроса о войнѣ противъ войны простой «ссылкой на второе пришествіе»: пусть настанетъ соціализмъ, и тогда сами собою разрѣшатся, потому что упразднятся, всѣ частичные соціально-политическіе вопросы. Характерно, наконецъ, и вытекающее отсюда устраненіе всѣхъ предложеній о конкретныхъ революціонныхъ методахъ войны противъ войны.

и замѣна ихъ красивой революціонной декораціей: присвоеніемъ празднику перваго мая значенія демонстраціи братства народовъ. Средство тѣмъ болѣе невинное, что вскорѣ послѣ того нѣмецкая соціальдемократія рѣшила перенести первомайскій праздникъ съ перваго мая на первое воскресенье послѣ перваго мая, и, такимъ образомъ, уничтожила весь его «явочно-демонстративный» характеръ. Чего еще нужно для доказательства революціонной импотентности тогдашняго германскаго соціализма?

Рѣчь Эдаурда Вайана выгодно отличалась отъ Либкнехтовской болѣе живымъ революціоннымъ чувствомъ. Въ ней стоитъ отмѣтить, кромѣ обычныхъ идей о связи капитализма съ милитаризмомъ и протеста противъ буржуазной дипломатіи съ обѣими ея дѣтищами-антагонистами, тройственнымъ и двойственнымъ союзомъ, еще нѣсколько штриховъ. Эдуардъ Вайанъ того времени не забывалъ дѣлать того, о чемъ тщательно умалчиваетъ нынѣшній Эдуардъ Вайанъ. Онъ требовалъ «преданія публичному позору» тѣхъ «французскихъ шовинистовъ», которые грубо и преступно возвращаются къ цезаристскимъ традиціямъ путемъ созданія чудовищнаго союза, проституирующаго республику царю—вѣшателю нигилистовъ»...

И еще одна разница. Вайанъ эпохи нынѣшней всемірной войны ежедневно провозглашалъ лозунгъ войны противъ Германіи «jusqu'au bout». Тотъ же лозунгъ, буквально тотъ же— jusqu'au bout!—провозглашался имъ и въ Брюсселѣ—но для другой войны, войны внутренней, войны съ войной за миръ.

«Въ 1870 г. на улицахъ Парижа демонстрировали въ пользу мира и въ то же время въ рейхстагѣ нѣмецкіе соціалисты протестовали противъ стремленій раздавить Францію. Съ тѣхъ поръ соціализмъ выросъ. Не должно быть ни одного средства борьбы, передъ которымъ слѣдовало бы отступить, въ стремленіи воспрепятствовать войнѣ. Если потребуется, надо будетъ показать актами, что соціалисты пойдутъ до конца (iraient jusqu'ou bout)!».

Обѣ эти рѣчи—Либкнехта и Вайана—увѣнчались одной резолюціей, которая, подъ тѣмъ предлогомъ, что «нельзя предпи-

сывать соціалистамъ каждой отдѣльной страны правилъ для ихъ поведенія»—маскировала кроющееся въ этихъ рѣчахъ существенное разногласіе. Либкнехтъ, въ сущности, отъ имени нѣмецкой делегаціи отвергалъ возможность непосредственной революціонной борьбы противъ войны, какъ таковой. Революціонныя средства надо приберечь для осуществленія соціализма, когда для того созрѣютъ времена; этимъ и только этимъ путемъ и будетъ нанесенъ существенный ударъ войнамъ. Вайанъ же требовалъ не откладывать революціонныхъ средствъ до «смертнаго часа капитализма», но реагировать ими на военныя авантюры буржуазнаго общества, какъ на контръ-революціонные маневры, которыхъ не устранишь платоническими протестами.

Это зіяющее противорѣчіе и было заштопано «резолюціей единодушія». Въ ней содержалось общее осужденіе милитаризма, а выборъ средствъ для борьбы противъ него предоставлялся соціализму отдѣльныхъ странъ. Чтобы чѣмъ-нибудь заполнить безнадежную внутреннюю пустоту этого «практическаго вывода», Вайанъ былъ уполномоченъ отъ лица комиссіи заявить: «Равнымъ образомъ само собою разумѣется, что не только мы, начиная съ нынѣшняго дня, поведемъ аттаку на милитаризмъ при помощи всѣхъ средствъ агитаціи и пропаганды, но что и въ день провозглашенія войны соціалисты и с п о л н я т ъ   в е с ь   с в о й   д о л г ъ». Вѣскія слова, тѣмъ болѣе многозначительныя, что въ нихъ при желаніи можно было вложить какой угодно сильный смыслъ. И даже—о, иронія судьбы!—грамматически ничто не препятствуетъ нынѣ истолковать ихъ и совсѣмъ своеобразно: что «соціалисты исполнятъ весь свой долгъ»—по силѣ отечественнаго устава о воинской повинности!

Какъ бы то ни было, ложное и показное «единодушіе» торжествовало. Но тутъ произошло нѣчто неожиданное. «Mais quelqu'un troubla la fête»—нѣкто испортилъ все празднество. Этотъ «нѣкто» былъ бывшій пасторъ, еще полу-толстовецъ и уже полу-воинствующій анархистъ Ньювенгуисъ.

Домела безъ всякаго милосердія разоблачилъ ахиллесову пяту общей резолюціи. Мнимое «единодушіе», съ которымъ она принята всѣми, достигнуто просто неопредѣленностью ея выраже-

ній. Измѣните въ ней слово «соціализмъ» на слово «христіанизмъ», и подъ ней подпишется самъ римскій папа: до того платоничны заключающіеся въ ней протесты.

Достойна соціализма будетъ лишь такая резолюція, которая не ограничится тѣмъ, что свалитъ отвѣтственность за будущія войны на буржуазію—ребяческая оговорка—но прямо заявитъ, что соціалисты не должны и не будутъ убивать другъ друга въ угоду своихъ правительствъ. Что могутъ съ ними за это сдѣлать? Угрожать смертью? Но, побоявшись этой угрозы и пойдя на войну, они пойдутъ на такую же вѣрную смерть.

Объявляя войну, правительства совершаютъ актъ революціоннаго характера; народы имѣютъ полное право и даже обязаны отвѣтить на этотъ актъ революціей. Лозунгъ Домелы— предпочесть и противопоставить гражданскую войну войнѣ между націями (on doit préférer la guerre civile entre proletariat et bourgeoisie, à la guerre entre nations).

Мы видимъ, такимъ образомъ, что никто иной, какъ Домела Ньювенгуисъ, былъ духовнымъ отцомъ нынѣшней излюбленной ленинской формулировки отношенія соціалистовъ къ войнѣ: гражданская война противъ войны между націями.

На конгрессѣ большинство делегатовъ тѣмъ болѣе враждебно отнеслись къ этой формулировкѣ, что Домела осмѣлился посягнуть на интернаціоналистскую репутацію нѣмецкой соц.-демократіи и упрекнуть ее въ недостаткѣ истинно международнаго духа,—упрекъ, оказавшійся пророческимъ...

Необходимо отмѣтить, однако, что Домела самъ отчасти скомпрометировалъ свою позицію, смѣшавъ въ одну кучу революціонные лозунги съ лозунгами пассивнаго сопротивленія по типу французскихъ Polsbrooker'овъ, которые, подобно русскимъ духоборамъ, каждый по одиночкѣ, отказывался служить, такъ что когда ему давали ружье, оно вываливалось на землю. Тотъ фактъ, что Наполеонъ долженъ былъ отступить передъ ихъ упорствомъ и эвакуировать ихъ въ тылъ, на службу въ военныхъ госпиталяхъ, былъ въ глазахъ Ньювенгуиса важнѣйшимъ аргументомъ, рѣшающимъ вопросъ о соціалистической тактикѣ.

Итакъ, съ точки зрѣнія идейной выдержанности, положительная часть рѣчи Ньювенгуиса очень хромала. Но ея отрицательная, критическая часть отъ этого ничего не потеряла въ своей вѣрности и мѣткости. Она приподняла завѣсу надъ тѣмъ, что хотѣли дипломатически обойти молчаніемъ. Вайанъ, въ отвѣтномъ словѣ, долженъ былъ признать, что текстъ общей резолюціи вышелъ такимъ, какимъ его предлагаютъ конгрессу, «въ силу необходимости достигнуть единогласія» и «послѣ спора, выяснившаго невозможность согласиться на какой-нибудь другой редакціи». Она оставляетъ свободу дѣйствовать какъ угодно рѣшительно соціалистамъ любой страны; но въ то же время она избавляетъ делегатовъ странъ съ особенными условіями отъ опасности «подвергнуться при возвращеніи на родину затрудненіямъ и непріятностямъ». Интернаціоналъ, урѣзающій свои резолюціи «страха ради полицейска»!

Рѣзко, но отъ этого не болѣе убѣдительно,—отвѣчалъ Ньювенгуису Либкнехтъ. Нѣмцы не шовинисты, напротивъ—самый упрекъ имъ Ньювенгуиса продиктованъ его шовинизмомъ. О революціяхъ не говорятъ, ихъ дѣлаютъ. Всеобщая стачка, противополагаемая войнѣ—чистѣйшая фразеологія. Кто захочетъ итти этимъ путемъ въ случаѣ войны, тѣ не будутъ имѣть времени для выполненія своего плана—ихъ гораздо раньше разстрѣляютъ; итакъ, это—утопія. Просто, властно и кратко...

Послѣ ряда полемическихъ стычекъ, къ изумленію многихъ, свою резолюцію въ пользу всеобщей стачки рабочихъ въ случаѣ опасности войны внесли—англичане, положительные и практичные англичане! Однако, это не было случайностью, какъ не случайна и теперешняя интернаціоналистическая твердость Независимой Рабочей Партіи. Англичане, съ присущей имъ рѣшительностью, могутъ или вовсе не говорить о войнѣ противъ войны,—потому что всякія революціонныя фразеологіи и догматико-теоретическія отписки имъ глубоко противны; или же принимаютъ дѣло въ серьезъ, и противъ серьезной опасности готовы бороться до конца, самыми крайними средствами.

Итакъ, вносится англійское предложеніе и сразу является прекраснымъ реактивомъ, опредѣляющимъ характеръ, истинное

настроеніе участниковъ. Сумерки уклончивыхъ формулировокъ, подъ прикрытіемъ которыхъ «всѣ кошки сѣры»—разсѣиваются. За предложеніе вотируютъ Англія, Франція и Голландія. За резолюцію нѣмцевъ высказываются, кромѣ нихъ, скандинавскія страны, Швейцарія, Венгрія, Румынія, Польша, Испанія, Италія, Бельгія и Америка. Гегемонія германской соц.-демократіи блестяще проявляется въ той самой позиціи платоническаго протеста противъ войны, которая—какъ и слѣдовало ожидать, и какъ это оказалось въ наши дни—съ такой легкостью переходитъ въ пріятіе войны...

ПЕРВЫЙ «ВКЛАДЪ» РУССКАГО МАРКСИЗМА.

Первый дебютъ второго Интернаціонала въ вопросѣ о средствахъ «войны противъ войны», на Брюссельскомъ конгрессѣ, кончился тѣмъ, что вмѣсто рѣшенія было принято «пустое мѣсто». Не сразу, однако, съ такимъ результатомъ могла освоиться революціонная совѣсть соціалистовъ нѣкоторыхъ странъ. И пренія по этому вопросу возобновились на слѣдующемъ конгрессѣ, въ Цюрихѣ (1893 г.). Они имѣютъ для насъ тѣмъ большій интересъ, что докладчикомъ выступалъ нашъ соотечественникъ—Г. В. Плехановъ. Что же принесъ онъ въ теоретическое освѣщеніе вопроса?

Само собою разумѣется, что онъ, подобно своимъ нѣмецкимъ учителямъ, не разрѣшалъ, а радикально упразднялъ самый вопросъ о «войнѣ противъ войны». «Нужно прежде всего твердо установить—говорилъ онъ—что корни войны внѣдрены въ самый капиталистическій способъ производства; если будетъ уничтоженъ капитализмъ, войны уничтожатся сами собой (dann fällt auch von selbst der Krieg)». Что же касается идеи о «сепаратной» борьбѣ съ войной путемъ крайнихъ средствъ, то рѣшеніе Плеханова и здѣсь крайне просто. «Всеобщая стачка на почвѣ современнаго общества неосуществима (ein allgemeiner Streik ist nicht durchführbar auf dem Boden der heutigen Gesellschaft), ибо въ рапоряженіи пролетаріата нѣтъ для этого достаточныхъ средствъ. Съ другой же стороны, если бы мы были въ такомъ положеніи, что могли бы провести всеобщую стачку, это значило бы, что экономическая власть уже находится въ рукахъ пролетаріата, и тогда всеобщая стачка была бы до смѣшного плоской и мелкой затѣей (eine lächerliche Plattheit)».

Итакъ, во-первыхъ—прыжокъ черезъ вопросъ при помощи ссылки на «второе пришествіе» соціальной революціи, которая попутно упразднитъ всѣ вопросы. Во-вторыхъ—старая и неумная марксистская погудка, гласившая въ формулировкѣ Ауэра, что «универсальная стачка есть универсальная глупость». Если бы русскій пролетаріатъ повѣрилъ въ этомъ господамъ Плехановымъ, мы не знали бы самыхъ славныхъ страницъ, вписанныхъ имъ въ исторію въ концѣ 1905 года... Въ третьихъ — безнадежно плоскій софизмъ, поистинѣ eine lächerliche Plattheit, которымъ впослѣдствіи Плехановъ и его сторонники пытались бороться и противъ террора (а нѣкоторые сверхъ-марксисты и противъ демонстрацій). Этотъ софизмъ гласитъ: либо мы достаточно сильны, чтобы сдѣлать революцію— тогда всеобщая стачка (демонстраціи, терроръ) излишня; или мы для этого еще недостаточно сильны, и тогда всеобщая стачка (демонстраціи, терроръ) представляетъ собою вредное расточеніе силъ. Какъ просто!

«Расточеніе» силъ, конечно, не могло не появиться на сцену, въ качествѣ самаго могучаго аргумента. Единственнымъ слѣдствіемъ всеобщей стачки въ такихъ странахъ, какъ Франція и Бельгія — пугалъ Плехановъ, — было бы то, что «однимъ ударомъ всѣ манифестанты были бы вычеркнуты изъ списка живыхъ». Какъ не вспомнить плехановскую шутку надъ нѣмецкими ревизіонистами, которыхъ онъ сравнивалъ съ вел. кн. Константиномъ, очень любившимъ военное дѣло, но не переносившимъ даже мысли о войнѣ, ибо войны дѣлаютъ бреши въ арміяхъ!

И, наконецъ, заключительный аргументъ: если бы всеобщая стачка была возможна, она дала бы результатъ, діаметрально противоположный тому, какого слѣдуетъ желать. «Военная стачка прежде всего разоружила бы культурныя страны и выдала бы головою западную Европу русскимъ казакамъ. Русскій деспотизмъ сталъ бы тяготѣть надъ всею нашею культурою и вмѣсто господства свободы пролетаріата, блестящимъ симптомомъ которой должна быть веобщая стачка, водворилось бы господство кнута». Выводъ ясенъ: «истинно-революціонна лишь

нѣмецкая резолюція, и нѣмецкая резолюція должна быть принята въ интересахъ свободы, цивилизаціи и революціоннаго пролетаріата».

Что касается дебатовъ, то въ нихъ были чрезвычайно интересные моменты.

Домела Ньювенгуисъ выступалъ еще болѣе рѣзко, но еще менѣе удачно, чѣмъ въ Брюсселѣ. Онъ повторилъ тѣ же старые аргументы о платоническомъ характерѣ резолюціи, который дѣлаетъ ее пригодной для какой-нибудь Лиги Мира, но не для революціонныхъ соціалистовъ: бумажные протесты безсильны противъ силы штыковъ и пушекъ. Въ дальнѣйшемъ же вся его аргументація свелась къ рѣзкой полемикѣ противъ «шовинизма» нѣмцевъ, противъ Бебеля, противъ Плеханова, при рѣчахъ котораго о русской опасности оратору причудилось, «будто Бисмаркъ явился держать рѣчь на нашемъ конгрессѣ». Словомъ, онъ чрезвычайно много сдѣлалъ, чтобы обострить споры, и гораздо меньше—чтобы ихъ подвинуть. Тѣмъ не менѣе, онъ не остался одинокимъ. Дежантъ, со стороны французовъ, сослался на опытъ бельгійскаго соціализма, свидѣтельствующій о полной осуществимости всеобщей стачки. Спеуза, выступившій отъ имени австралійскихъ соціалистовъ, изъ страны, «гдѣ нѣтъ ни дипломатіи, ни милитаризма», заявилъ, что онъ не понимаетъ, какъ могутъ рабочіе допустить, чтобы имъ скомандовали убивать другъ друга; что касается его, то онъ бы въ отвѣтъ на такое приказаніе могъ лишь выстрѣлить въ командира. Отчасти въ томъ же духѣ высказался Вольдерсъ отъ бельгійцевъ; резолюція нѣмцевъ казалась имъ недостаточной, ибо нельзя утверждать, будто обычная пропаганда за соціализмъ и есть лучшее средство войны противъ войны: нѣтъ, война должна быть особымъ спеціальнымъ пунктомъ нападенія, и пропаганда не можетъ останавливаться передъ воротами казармы. Наконецъ, Іогансонъ отъ Норвегіи заявилъ, что всеобщую стачку онъ считаетъ осуществимой, и хотя не сомнѣвается, что она можетъ повести къ кровопролитію, но оно, во всякомъ случаѣ, будетъ меньшимъ, чѣмъ то, какимъ чревата война.

Нашлось, какъ всегда, и «болото». Де-Леонъ отъ американ-

ской соціалистической рабочей партіи заявилъ о воздержаніи отъ вотума: въ общемъ американцы симпатизируютъ предложенію голландцевъ, но сомнѣваются въ его осуществимости. Сюда же частью примыкали: Эритье изъ Женевы, говорившій, что ему «симпатиченъ духъ голландской резолюціи», но осторожнѣе будетъ держаться нѣмецкой; Эвелингъ, заявившій, что «съ ходомъ мыслей голландскаго предложенія англичане согласны, да и всѣ мы согласны», но форма проведенія его въ жизнь возбуждаетъ сомнѣнія, и т. д., и т. д.

Ярко и выразительно выступали противники голландскаго предложенія. Вильгельмъ Либкнехтъ, гордо защищавшій нѣмецкую соц.-демократію отъ упрека въ шовинизмѣ указаніемъ на все ея славное прошлое, заявилъ: «Если бы военная стачка и всеобщая хозяйственная стачка были болѣе, чѣмъ благочестивыя пожеланія, и если бы соціальная демократія Европы и всего міра обладала достаточной силой для ея проведенія, то всякія войны сдѣлались бы невозможностью». Но дѣло обстоитъ иначе, и потому «если бы мы вздумали склонять солдатъ къ отказу отъ службы или дезертирству, мы лишь принесли бы передъ Молохомъ милитаризма новыя жертвы и дали бы ему поводъ раздавить своимъ желѣзнымъ кулакомъ соціалистическое движеніе». Вотъ почему нѣмцы отвергаютъ «дѣтскія конспираціи въ казармахъ», работаютъ лишь въ народѣ, и заботятся о томъ, чтобы въ казармы люди попадали уже готовыми соціалистами. Нѣмцы никогда не становятся поперекъ дороги естественнымъ тенденціямъ развитія, и «милитаризмъ подобно отцу своему, капитализму, долженъ развиваться все шире и шире, втягивать въ себя все болѣе широкіе круги, получать все больше и больше соціалистическихъ рекрутовъ и, такимъ образомъ, итти по пути самоуничтоженія, пока, наконецъ, не окажется, что милитаризмъ пересталъ быть обезпеченіемъ существованія капитализма». О, всеспасающая «діалектика»!

Викторъ Адлеръ противопоставлялъ реализмъ нѣмцевъ революціоннымъ фантазіямъ голландцевъ и ихъ союзниковъ; предостерегалъ отъ переоцѣнки своихъ силъ и недооцѣнки рессурсовъ противниковъ; ядовито высмѣивалъ фразеологію защитни-

ковъ всеобщей стачки. Но всего эффектнѣе былъ конецъ его рѣчи: «Вы можете глядѣть на насъ, какъ на плохихъ революціонеровъ; но когда настанетъ моментъ, въ который пробьетъ часъ рѣшенія, тогда увидятъ, гдѣ тѣ, кто умѣютъ дѣйствовать и всегда умѣли дѣйствовать, и гдѣ тѣ, кто умѣютъ лишь говорить и всегда умѣли лишь говорить!» Сильныя слова, звучащія особенно жестокой ироніей теперь, когда австрійскіе соц.-демократы хорошо показали при объявленіи войны, какъ именно они «умѣютъ дѣйствовать»...

Турати, реформистское сердце котораго возликовало отъ своеобразнаго оборота, который принялъ внѣшній догматическій «радикализмъ» нѣмцевъ, разумѣется, примкнулъ всей душой къ ихъ резолюціи, ибо хотя въ основу голландскаго проекта положенъ «благородный замыселъ», но трезвый разсудокъ говоритъ, что этого мало, и что «всеобщая стачка превратится во всеобщій разстрѣлъ», и потому отъ нея надо отказаться. Раковскій отъ болгаръ отвергъ военную стачку, ибо она «дастъ новое оружіе реакціи», и прибавилъ, что его товарищи «также и противъ всеобщей стачки рабочихъ, ибо это—иллюзія, а всякая иллюзія лишь вредитъ рабочему классу».

Г. В. Плехановъ, въ своемъ заключительномъ словѣ, сказалъ немало интереснаго, даже неожиданнаго. Нѣкоторыя изъ мѣстъ отчета стоитъ привести дословно.

«Ньювенгуисъ указалъ на то, что нѣмецкая буржуазія питаетъ чувства интенсивной ненависти противъ Франціи, и что раньше или позже это можетъ кончиться вторженіемъ во Францію нѣмецкихъ армій. Что же, развѣ нѣмецкое нашествіе менѣе опасно, чѣмъ русское нашествіе?»

«Говорятъ, что ужъ не такъ угрожающа русская опасность. Или вы забыли, что русскій царь заключилъ союзъ съ вашей французской буржуазіей, что онъ—убійца Польши?.. Спросите делегатовъ Венгріи, Болгаріи, Сербіи, и вы узнаете, какъ угрожаетъ имъ эта русская опасность!»

«Ньювенгуисъ упрекалъ нѣмецкихъ товарищей въ шовинизмѣ, но вся его рѣчь имѣла цѣлью лишь разжечь противъ нѣмцевъ французское тщеславіе; да, милостивый государь,

нельзя питать даже малѣйшихъ шовинистическихъ чувствъ, и потому позоръ тѣмъ, кто явились сюда съ такими чувствами, позоръ тѣмъ, кто таитъ въ своемъ сердцѣ національное тщеславіе и національную вражду!»

«Бебель говорилъ противъ оффиціальной Россіи... Что касается русскаго народа, то онъ знаетъ, что наши нѣмецкіе друзья хотятъ его свободы».

«Давно пора покончить съ русскимъ царизмомъ, этимъ позоромъ всего цивилизованнаго свѣта, вѣчной угрозой европейскому миру и культурному прогрессу. И чѣмъ рѣшительнѣе наши нѣмецкіе товарищи аттакуютъ царизмъ, тѣмъ мы имъ благодарнѣе. Браво, друзья, бейте его въ голову, волоките его на скамью подсудимыхъ, когда можете, нападайте на него всякимъ оружіемъ, какое только окажется въ вашемъ распоряженіи!»

«Если же пройдетъ голландская резолюція, то этимъ мы только сыграемъ въ руку царю, ему, давящему свободу, ведущему народъ къ голодовкамъ, ему, который долженъ пасть вмѣстѣ со всей своей системой, если должна побѣдить свобода, если долженъ побѣдить русскій народъ. Да, если германскія арміи перейдутъ наши границы, то они придутъ къ намъ какъ освободители, какъ сто лѣтъ тому назадъ приходили въ Германію французы національнаго конвента, чтобы побѣдоносно вручить народу свободу черезъ головы князей!»

Быть можетъ, не лишне процитировать дословно подлинникъ: «Wenn die deutsche Armée über unsere Grenzen einziechen würde so kämen sie als Befreier, wie die Franzosen des Nationalkonwentes vor 100 Jahren nach Deutschland kamen, um als Sieger über die Fürsten dem Volke die Freiheit zu bringen» *).

Рѣчь Плеханова не требуетъ комментаріевъ. Его теорія свободы, приносимой на остріяхъ штыковъ чужеземной арміи, весьма характерна. И онъ сохранилъ ее въ непрокосновенности,

*) Protokoll des Internationalen Sozialistischen Arbeiterkongresses in der Tonhalle Zürich vom 6 bis 12 August 1893. Hgb. von der Organisationskomitee. Zürich, 1894, seite 30.

только... только перемѣнивъ фронтъ. Еще недавно Плехановъ въ отвѣтъ на упреки въ соціалъ-патріотизмѣ имѣлъ смѣлость сослаться на Цюрихскій конгрессъ, гдѣ его—вмѣстѣ съ Бебелемъ и Либкнехтомъ—уже упрекали люди, вродѣ Домелы Ньювенгуиса, въ томъ же самомъ грѣхѣ. Теперь мы видимъ, что послужило поводомъ къ упреку. Мы, грѣшные, полагаемъ, что Г. В. Плехановъ былъ, дѣйствительно, уже тогда соціалъ-патріотомъ, только германофильскаго толка, а не франко-русскаго. На головы франко-русскаго соціалъ-патріотизма онъ призывалъ тогда позоръ. Но вѣдь это въ порядкѣ вещей; соціалъ-патріоты двухъ воюющихъ лагерей, эти братья-близнецы, всегда шельмуютъ другъ друга. Не всѣмъ только удается вмѣщать въ себѣ поочередно два противоположныхъ соціалъ-патріотизма, и потому Г. В. Плеханова можно признать въ этомъ дѣлѣ, поистинѣ, побившимъ всѣ рекорды. И кому же, какъ не ему, собиравшемуся въ лицѣ вторгающейся въ Россію нѣмецкой арміи встрѣчать «освободителей», подобаетъ теперь чинить розыскъ—искать среди русскихъ соціалистовъ «пораженцевъ»!

Таковъ былъ вкладъ русскаго марксизма въ сокровищницу интернаціонально-соціалистическихъ воззрѣній на отношеніе соціализма къ войнѣ. Истинная «лепта вдовицы»: немного, но отъ чистаго сердца.

ЗИГЗАГИ МІРОВОЙ ДІАЛЕКТИКИ.

На штутгардтскомъ международномъ соціалистическомъ конгрессѣ Викторъ Адлеръ открылъ новую сферу приложенія діалектическаго закона самоотрицанія — въ примѣненіи къ внутреннимъ тенденціямъ милитаризма. Оказалось, что господствующіе классы, «готовясь къ войнѣ, на самомъ дѣлѣ подготовляютъ миръ». Они создаютъ такое накопленіе всевозможныхъ техническихъ орудій разрушенія и истребленія, что вынуждены сами остановиться въ страхѣ передъ дѣломъ рукъ своихъ, не рѣшаясь взять на себя отвѣтственность за то, чтобы пустить ихъ въ ходъ и вызвать всѣ, проистекающія отсюда катастрофы и потрясенія, конечнаго результата которыхъ никто не можетъ предвидѣть.

Здѣсь, какъ видите, мы имѣемъ дѣло съ новой варіаціей все на ту же старую тему о «силѣ, которая хочетъ зла, но творитъ благо». Все та же канва фаталистическаго оптимизма, по которой изворотливый умъ тонкими шелковинками діалектики вышиваетъ узоры успокоительныхъ софизмовъ. Все это такъ ортодоксально, такъ ортодоксально, что въ свое время даже ортодоксальнѣйшая Роза Люксембургъ не выдержала и сочла нужнымъ заявить: «Я убѣжденно примыкаю къ марксизму, но я вижу большую опасность въ стремленіи придать марксистской концепціи такую застывшую и фаталистическую форму (cette forme rigide et fataliste)...»

Но голосъ Розы Люксембургъ остался одинокимъ еретическимъ гласомъ вопіющей въ пустынѣ. Августъ Бебель противъ нея немедленно поспѣшилъ заявить, что «Адлеръ необыкновенно ясно намѣтилъ ходъ діалектическаго развитія милита-

ризма», что развитіе милитаризма «подкопалось подъ базу его собственнаго существованія» и что явная опасность для милитаризма, «войдя въ сферу реализаціи, сломать себѣ шею» придаетъ особенную силу соціалистическимъ резолюціямъ и деклараціямъ противъ войны и въ пользу мира.

Оптимистическія перспективы, развертываемыя собственной внутренней діалектикой милитаризма, служили Адлеру и Бебелю для того, чтобы отвергнуть всѣ предложенія, клонившіяся къ войнѣ противъ опасности войны болѣе рѣшительными средствами, чѣмъ однѣ платоническія резолюціи. Здѣсь, какъ и въ другихъ случаяхъ, учетъ въ свою пользу стихійной діалектики жизни у нихъ въ незаконно большихъ размѣрахъ служилъ замѣной собственной революціонной активности рабочаго класса...

Жизнь не оправдала «радостнаго прогноза» вождей Интернаціонала, сдерживавшихъ анти-милитаристское рвеніе «еретиковъ». Стихія лихорадочной скачки вперегонку на пути вооруженій предпочла логикѣ діалектической—обычную, простую логику. И это недвусмысленно признаетъ въ своей новой брошюрѣ Карлъ Каутскій, которому, если не ошибаюсь, и принадлежитъ первоначальное авторское право на идею, которую на конгрессѣ излагали Адлеръ и Бебель.

Общій фактъ вооруженій и мобилизаціи—вотъ, по Каутскому, наиболѣе существенная изъ непосредственныхъ причинъ нынѣшней войны. «На этотъ разъ объявлена была не мобилизація вслѣдствіе войны, а война вслѣдствіе мобилизаціи». Среди менѣе сознательной части массы растущая тягость непосильныхъ вооруженій возбудила растущее озлобленіе противъ «заграницы», являющейся причиной вооруженій, и тревожную подозрительность относительно ея замысловъ. Перспектива дальнѣйшихъ тягостей и опасностей вооруженнаго мира была такъ непереносна, что сравнительно съ ней даже самая война могла начать казаться чѣмъ-то вродѣ освобожденія. Происхожденіе мобилизаціи изъ спора по поводу «наказанія» Сербіи—спора изъ-за гегемоніи, безъ конкретнаго «пріобрѣтенія», желаемаго одними и не допускаемаго другими,—усугубили тревожный

характеръ конфликта. «Мобилизація и война выростили это настроеніе и подняли его до высшей степени кипѣнія; они, именно благодаря отсутствію одного совершенно опредѣленнаго требованія съ той или другой стороны, заставляли бояться въ случаѣ пораженія всего самаго худшаго и создали, такимъ образомъ, столь пламенное одушевленіе къ побѣдамъ собственной арміи... Въ этомъ своеобразномъ возникновеніи войны уже изъ голаго факта вооруженій и мобилизацій лежитъ причина не только всеобщаго военнаго энтузіазма, но и великая трудность положить конецъ этой войнѣ» (стр. 64—65).

Итакъ, «готовясь къ войнѣ», правительства—увы!—вовсе не подготовляли мира. Заманчивая сказка о силѣ, которая «хочетъ зла, но творитъ благо», оказалась только сказкой. Боязнь, съ которой правительства останавливались сами передъ дѣломъ рукъ своихъ—колоссальнымъ военнымъ механизмомъ разрушенія и уничтоженія—оказалась не сковывающимъ члены и не парализующимъ волю ужасомъ, а только осторожностью дерзкаго, но разсчетливаго авантюриста. Простая логика вооруженій привела къ войнѣ, вмѣсто того, чтобы діалектически ей воспрепятствовать. Факты не оправдали теоріи. Гегель сказалъ бы: «тѣмъ хуже для фактовъ». Въ самомъ дѣлѣ, есть отчего признать происшедшую «ошибку міровой діалектики» поистинѣ непростительной. Исторія заслужила отъ нѣмецкаго марксизма тройку за поведеніе.

* * *

Но мы какъ будто забыли ту старую истину, что діалектика «словно дышло: куда повернешь, туда и вышло».

Въ той же рѣчи Бебеля, на Штутгардтскомъ конгрессѣ, есть и лазейка для иного оборота «міровой діалектики». Не будетъ войны—ей помѣшало внутреннее діалектическое самоотрицаніе самого милитаризма. Будетъ война—значитъ, опять таки торжествуетъ діалектика. Два противоположныхъ отвѣта въ рѣшеніи одной и той же задачи равно свидѣтельствуютъ о правильности метода рѣшенія. Есть такія теоріи, которыя уподобляются

гоголевскому городничему, праздновавшему свои именины «и на Антона, и на Онуфрія».

«Я не знаю, что произойдетъ»—заявилъ Бебель. «Но я вѣрю, что если эта война разразится, она, вѣроятно, будетъ послѣдней войной и поставитъ на карту существованіе всего буржуазнаго общества. Вотъ почему намъ не остается дѣлать ничего иного, какъ просвѣщать мозги, вести пропаганду и организоваться». Словомъ, выжидательная тактика, пока милитаризмъ, и—если послѣднему заблагоразсудится—даже война будутъ работать на соціалистовъ. «Съ извѣстной точки зрѣнія мы, какъ соціальдемократы, могли бы даже сказать, что великая европейская война дастъ болѣе благопріятные результаты для нашего дѣла, чѣмъ десять лѣтъ пропаганды; и, по этимъ мотивамъ, мы могли бы ея только желать. Но, конечно, средство это слишкомъ ужасно, чтобы быть предметомъ нашихъ желаній. И если тѣ, кто имѣетъ самый большой интересъ въ сохраненіи буржуазнаго общества, не видятъ, что подобной войной они разрушаютъ самую основу его существованія, то мы тутъ ничего не можемъ подѣлать, и тогда я имъ говорю: пожалуйста! Мы—ваши наслѣдники!».

Оптимистическое преклоненіе передъ стихіей здѣсь достигаетъ своего апогея. Поистинѣ «намъ тутъ ничего не остается дѣлать». Чѣмъ хуже, тѣмъ лучше. И если бы не наше прирожденное мягкосердечіе, то мы, въ качествѣ холодныхъ и разсчетливыхъ политиковъ, могли бы только призывать войну. Vive la guerre! «Война—локомотивъ исторіи»...

И невольно вспоминается, какъ всей изощренной діалектикѣ фаталистическаго оптимизма на томъ же конгрессѣ была противопоставлена прямая и несгибаемая логика соціально-революціоннаго долга. Это сдѣлано было покойнымъ Жоресомъ, въ одинъ изъ самыхъ свѣтлыхъ моментовъ пробужденія его богатаго, хотя часто дремавшаго, революціоннаго темперамента.

«Французскій пролетаріатъ спрашиваетъ себя,—неужели онъ ничего не долженъ сдѣлать, неужели Интернаціоналъ ничего не долженъ сдѣлать, чтобы помѣшать совершиться этому преступленію «de lèse-humanité ouvriere»—оскорбленія рабочаго человѣчества?

«Какъ? Если нашими правительствами, въ качествѣ ловкаго маневра, будетъ пущена въ ходъ война... мы даже не сдѣлаемъ и попытки хотя бы безнадежнаго, хотя бы отчаяннаго сопротивленія? Нѣтъ, нѣтъ, и еще разъ нѣтъ! Ибо если мы не рѣшимся на нее—мы обезчестимъ себя въ глазахъ другъ-друга!

«Мы, которые такъ гордо провозгласили банкротство буржуазіи,—да не позволимъ мы, чтобы эта буржуазія въ свою очередъ могла въ такомъ вопросѣ жизни, какъ вопросъ о сохраненіи мира, говорить, что потуги Интернаціонала закончились жалкимъ выкидышемъ!».

Теперь нѣтъ болѣе вопроса, на чьей сторонѣ была правда. На сторонѣ ли тѣхъ, кто предпочиталъ оптимистически «учитывать въ свою пользу» всѣ возможные обороты стихійной діалектики «самой жизни». Или же на сторонѣ тѣхъ, кто требовалъ максимальнаго субъективнаго активизма рабочей арміи; кто отъ присутствія или отсутствія его ставилъ въ зависимость весь дальнѣйшій оборотъ событій: скомпрометируетъ ли война морально самый Интернаціоналъ, или только перешагнетъ черезъ него, нанеся ему грубой силой одно изъ тѣхъ пораженій, которыя чреваты для побѣжденнаго будущими побѣдами? Отброситъ ли она насъ на добрыхъ полстолѣтія назадъ, или «сорвется» и дастъ возможность, хотя бы непомѣрно дорогой цѣной, вопреки всему, двинуться впередъ?

Въ рѣшительный моментъ Интернаціоналъ не нашелъ въ себѣ ни согласія, ни рѣшимости, ни силы. Онъ спасовалъ. Онъ безпомощно отодвинулся въ сторону и далъ дорогу «діалектикѣ» внутренняго развитія милитаризма. Оказалось, что тѣмъ самымъ онъ рѣшилъ и свою собственную судьбу: захваченный вихремъ событій, онъ оказался участникомъ кроваваго хоровода исторіи. Оказалось, что вмѣсто «базъ буржуазнаго общества» война прежде всего успѣшно подкопалась подъ базы самого рабочаго Интернаціонала!

И сбылись поистинѣ пророческія слова Жореса. Потуги Интернаціонала найти свою позицію противъ войны кончились—безжизненнымъ выкидышемъ. А соціалистическія партіи обоихъ враждующихъ лагерей стоятъ лицомъ къ лицу, обмѣни-

ваясь взаимными обвиненіями и низко-низко упавъ въ глазахъ другъ друга...

Вотъ что значитъ строгую и несгибаемую логику революціоннаго долга замѣнить эластичной и двусмысленной діалектикой оптимистическаго преклоненія передъ стихійностью.

ОТКРЫТОЕ ПИСЬМО ВИКТОРУ АДЛЕРУ.

Дорогой товарищъ!

Вы—одно изъ свѣтилъ Второго Интернаціонала. Одинъ изъ вліятельнѣйшихъ его представителей. Мы, представители «второстепенныхъ», въ соціалистическомъ смыслѣ націй,—его рядовые. Мы всѣ васъ знаемъ, Вы можете совершенно не знать каждаго изъ насъ, чей голосъ можетъ громко звучать въ предѣлахъ родной соціалистической нивы, но не раздавался и не раздается, подобно вашему, на весь міръ,—по крайней мѣрѣ на весь соціалистическій міръ. Вы имѣете въ Интернаціоналѣ имя. Мы—анонимы.

Но отсюда-то и проистекаетъ наше право васъ интерпеллировать. И вашъ долгъ отчитаться передъ нами. Вамъ было много дано. Вамъ ли жаловаться, если съ васъ много взыщется?

Вы никогда не имѣли репутаціи упрямаго книжника-доктринера. На вашемъ лицѣ во время споровъ изъ-за формулъ и доктринъ не разъ играла тонкая скептическая улыбка. Умный и гибкій политикъ, когда нужно—даже дипломатъ въ лучшемъ смыслѣ этого слова, знающій, какъ много значитъ для сохраненія единства простой личный тактъ и какъ много розни создаетъ безтактность, вы казались человѣкомъ дѣла по преимуществу.

И когда на порядокъ дня ассизовъ нашего Интернаціонала былъ поставленъ вопросъ о томъ, какъ будемъ мы вести себя, если надъ нами нависнетъ угроза колоссальной міровой войны,—вашего слова ждали съ совершенно своеобразнымъ интересомъ.

Французы—и непримиримый революціонный аскетъ Вайанъ, и широкій, эластичный «аполлоніецъ» соціализма Жоресъ—были за всеобщую стачку. Этого ждали. Это заставляли предвидѣть революціонныя традиціи французскаго пролетаріата.

Германцы—и стремительный революціонеръ Бебель, и холодно разсудительный оппортунистъ Фольмаръ—были противъ. Этого тоже ждали. Это заставляла предвидѣть основная черта германскаго ума: онъ не легко разстается съ пустившими корни догматическими предубѣжденіями.

Еще такъ недавно наши нѣмецкіе товарищи разучились говорить свое стереотипное: «всеобщая стачка есть всеобщее безуміе». Еще такъ недавно они впервые допустили оружіе всеобщей стачки для борьбы противъ реакціоннаго coup d'état, если таковой воспослѣдуетъ ради лишенія Германіи всеобщаго избирательнаго права. Какъ можно было требовать, чтобы они сразу скакнули къ признанію всеобщей стачки—принимающей международные размѣры?

Но вы? Что скажете вы? Что скажетъ въ вашемъ лицѣ столь ярко и столь «съ подлиннымъ вѣрно» олицетворяемая вами австрійская соціальдемократія? Она первая испробовала на нѣмецкой почвѣ оружіе всеобщей стачки и массовыхъ демонстрацій для завоеванія всеобщаго избирательнаго права—и съ успѣхомъ. Своимъ примѣромъ она увлекла за собой и свою старшую германскую сестру. Не увлечетъ ли она ее и во второй разъ?

Вы высказались. Вы не сказали всеобщей стачкѣ догматическаго «нѣтъ». Вы не подписали никакихъ обязательствъ и формальнымъ «да». «Мы не можемъ заранѣе связать себя ни положительной, ни отрицательной формулой». Таковъ былъ вашъ отвѣтъ. Вы опять противопоставляли себя, въ качествѣ человѣка дѣла, и энтузіастамъ идеи всеобщей стачки, и предубѣжденнымъ противъ нея догматикамъ.

Вы красиво разсказали намъ, какъ вы устраивали митингъ протеста противъ шовинизма въ Тріестѣ, въ тотъ самый день, когда тамъ съ помпой спускали въ море новый дредноутъ; какъ соціалистическая манифестація, возвращаясь съ митинга, встрѣ-

тилась съ военнымъ кортежемъ, какъ громовые звуки интернаціонала заглушили звуки военныхъ фанфаръ. Мы, анонимы, жадно слушали васъ и готовы были видѣть въ этомъ разсказѣ глубокій символическій смыслъ...

«Поступимъ ли мы именно такъ еще разъ, когда разразится война? Я не знаю! Но мы пустимъ въ ходъ все возможное противъ войны. Устроимъ ли мы всеобщую стачку? Я не знаю! Я знаю лишь одно: мы сдѣлаемъ в с е, чтобы помѣшать войнѣ!»

Такъ говорили вы. И—сказать ли вамъ? Это открытое и честное «не знаю» намъ понравилось. Мы не хотѣли фанфароннадъ, не хотѣли ни громкихъ словъ, ни широковѣщательныхъ обѣщаній, ни пустыхъ угрозъ. Мы хотѣли лишь сдержанной и твердой г о т о в н о с т и н а в с е, чтобы только не допустить чудовищной всемірной бойни. Мы хотѣли, чтобы здѣсь соціализмъ поставилъ свои Ѳермопилы. Ихъ можно, конечно, перейти—но только черезъ трупы защитниковъ. Пусть, если такъ суждено, грубая сила будетъ торжествовать: но мы не запятнаемъ себя грѣхомъ попустительства ей!

Такая готовность слышалась намъ въ вашихъ словахъ. Неужели это были—только слова? И тамъ, гдѣ мы видѣли глубоко-серьезную, чурающуюся фразъ готовность—былъ лишь ловкій тактическій маневръ, чтобы снять съ очереди «неудобный» вопросъ? И тамъ, гдѣ мы видѣли рѣшительность испытаннаго бойца—была лишь уклончивость опытнаго спорщика? И тамъ, гдѣ мы видѣли ч е л о в ѣ к а д ѣ л а,—былъ лишь политическій д ѣ л е ц ъ?

«Нѣтъ не страхъ руководитъ нами!—говорили вы.—Но мы, народы тевтонскаго нарѣчія, мы имѣемъ одну особенность: с л о в а м ъ мы предпочитаемъ а к т ы! Это очень плохой методъ—слишкомъ много говорить и слишкомъ мало дѣлать. Что касается до насъ, то декоративная политика намъ не по вкусу».

Намъ также!—звучало во всѣхъ нашихъ сердцахъ. «Намъ также!»—не вытерпѣвъ, крикнулъ Эдуардъ Вайанъ. И тогда вы съ той тонко-добродушной шутливостью формы, которую вы такъ хорошо умѣете сочетать съ глубокой серьезностью содержанія, отвѣтили: «О, что касается васъ, гражданинъ Вайанъ, то вы, по вашей манерѣ мыслить—полунѣмецъ, что, однако,

не мѣшаетъ вамъ иногда вдругъ перескакивать на вашъ родной жаргонъ... Такъ позвольте же намъ говорить на нашемъ простомъ нѣмецкомъ языкѣ. Не будемъ привязывать себя къ формуламъ!.. Нашъ долгъ будетъ сосредоточить всѣ силы пролетаріата въ такой формѣ, которая будетъ необходима, которая будетъ соотвѣтствовать опредѣленному моменту и опредѣленнымъ условіямъ опредѣленной страны!»

О, съ какимъ тревожнымъ нетерпѣніемъ ждали мы—какую же форму найдете вы «соотвѣтственной» трагической серьезности момента, когда изготовлялся и, наконецъ, поразилъ весь міръ неслыханностью своего содержанія австрійскій ультиматумъ! Онъ давалъ опредѣленной срокъ на размышленіе Сербіи. Но на насъ онъ произвелъ такое впчатлѣніе, что это—срокъ на размышленіе, срокъ на пріисканіе соотвѣтственной «формы сосредоточенія всѣхъ силъ пролетаріата», данный вамъ—вамъ, наши товарищи, австрійскіе соціальдемократы!

А вы? Вы молчали. Это насъ не удивляло: вы предупредили насъ, что «ваша особенность — словамъ предпочитать акты». И мы ждали этихъ актовъ. Каковы они будутъ? «Я не знаю»,—говорили вы на Штуттгардтскомъ конгрессѣ. И мы не знали. И... никто никогда не узналъ.

«Война застала насъ врасплохъ... Мы не успѣли опомниться»,—говорятъ иногда. Какая дикая неправда! Мы пережили длительный промежуточный періодъ, когда чашки вѣсовъ, на которыхъ лежали жребіи войны и мира, были въ неустойчивомъ равновѣсіи, прерываемомъ судорожными колебаніями. Выработка ультиматума, его предъявленіе, отвѣтъ Сербіи, посредничество Англіи, непосредственные переговоры Австріи и Россіи, выступленіе германскаго императора—столько разъ пресса, слѣдя за перепитіями закулисной игры пружинъ европейской дипломатіи, смѣняла тревожный крикъ: «Война надвигается!» успокоительнымъ: «Миръ спасенъ!»

Немножко больше уступчивости со стороны Австріи — и миръ былъ бы, дѣйствительно, на этотъ разъ спасенъ! Шансы войны и шансы мира другъ друга почти уравновѣшивали. Единственный въ своемъ родѣ моментъ, когда и небольшой приба-

вокъ тяжести могъ склонить на опредѣленную сторону чашку вѣсовъ судьбы. И что же? Неужели рѣшительное, если нужно— героическое выступленіе австрійскаго пролетаріата осталось бы въ такой моментъ безъ вліянія на исходъ? Неужели кто-нибудь могъ бы усомниться, что демонстративное, страстное, открытое veto организованнаго рабочаго класса заставитъ австрійское правительство задуматься гораздо больше, чѣмъ всѣ увѣщанія дипломатіи Англіи или Италіи?

Буржуазія всѣхъ странъ ненавидитъ антимилитаристовъ, ненавидитъ идею всеобщей стачки и особенно идею антивоенной всеобщей стачки. Но знаете ли что? Если бы своей всеобщей стачкой австрійская соціальдемократерія остановила «карательное» нашествіе австрійскихъ военныхъ силъ на Сербію, то весь міръ, не исключая и буржуазіи, благословлялъ бы эту всеобщую стачку—столько ужасовъ она отвратила бы отъ міра! И—знаете ли что? Быть можетъ, именно австрійская буржуазія и австрійская монархія, въ концѣ концовъ, болѣе многихъ другихъ пострадаютъ отъ того, что вы не рѣшились на это героическое средство!

Вы упустили этотъ единственный въ своемъ родѣ случай. Вы обѣщались сдѣлать в с е, чтобы помѣшать войнѣ—и не сдѣлали ничего. Вы не заглушили военныхъ фанфаръ громкими звуками Интернаціонала — напротивъ, въ самомъ сердцѣ вашемъ военныя фанфары заглушили его голосъ.

«По дѣламъ вашимъ познаютъ васъ». Мы видѣли ваши дѣла. А потомъ долетѣли до насъ и ваши — слова. Въ вашей «Arbeiterzeitung» мы прочли то, до чего еще никто и нигдѣ не договаривался — мы прочли знаменитыя отнынѣ слова о «нѣмецкомъ человѣчествѣ». Мы не знаемъ, можетъ быть это и хорошо звучитъ на томъ «тевтонскомъ нарѣчіи», на томъ «вашемъ простомъ нѣмецкомъ языкѣ», о которомъ вы такъ шутливо-добродушно говорили на Штутгардтскомъ конгрессѣ. Мы знаемъ лишь, какъ это убійственно звучитъ—на языкѣ международнаго соціализма.

Въ нашихъ словахъ, обращенныхъ къ вамъ, много горечи. Вы пропитали ею нашу рѣчь. Вы напоили ею наше сердце. Волею или неволею, вы обманули насъ. И мы, обманутые, тре-

буемъ отъ васъ отчета. Гдѣ наше общее отечество, гдѣ нашъ любимый, крѣпнувшій и разраставшійся Интернаціоналъ? Что сдѣлали вы съ нимъ, «дурные пастыри», поставленные на его защиту? Чувствуете ли вы всю тяжесть лежащей на васъ отвѣтственности? И чѣмъ вы сумѣете ее искупить?

ОШИБКА, КОТОРОЙ НАДО ИЗБѢГНУТЬ.

«Не забывайте, что уже въ Штутгардтѣ этотъ вопросъ былъ предметомъ оживленныхъ дискуссій и выраженія штутгардтской резолюціи были приняты на основѣ компромисса, долго и тщательно подготовлявшагося между организаціями Франціи и Германіи и заключеннаго, благодаря вмѣшательству бельгійскихъ и австрійскихъ товарищей»...

Такъ говорилъ на Копенгагенскомъ конгрессѣ Карлъ Реннеръ о новыхъ предложеніяхъ точнѣе опредѣлить методы и средства соціалистической «войны противъ войны». И въ духѣ его предложеній, вопросъ былъ смятъ, скомканъ, — а когда Кейръ-Гарди и Вайанъ поставили его ребромъ, какъ конкретное предложеніе въ пользу всеобщей стачки противъ опасности войны—его рѣшили отложить до слѣдующаго конгресса. Почему нѣтъ? «Надъ нами не каплетъ»...

Но не кажется ли вамъ, читатель, что языкъ копенгагенской рѣчи Карла Реннера смахиваетъ скорѣе на языкъ искушеннаго въ своемъ дѣлѣ присяжнаго дипломата, чѣмъ на языкъ соціалиста?

Этотъ «компромиссъ», долго и тщательно подготовляющійся за кулисами комиссіонной работы; эти «двѣ стороны», противополагающіяся другъ другу; это «посредничество» срединныхъ націй, помогающихъ заключенію «компромисса», — да развѣ все это не переноситъ насъ какъ будто на совѣщаніе дипломатическихъ представителей державъ, заинтересованныхъ въ установленіи и поддержаніи какою бы то ни было цѣною нѣкотораго «европейскаго равновѣсія»?

Дипломатическій методъ разрѣшенія вопросовъ международнаго соціализма! Въ послѣднее время онъ въ Интернаціоналѣ грозилъ сдѣлаться не только господствующимъ, но и оконча-

тельно упроченнымъ. Всѣ острые, больные, «неудобные» и безпокойные, вопросы должны были тщательно обходиться, либо разрѣшаться компромиссныхъ дѣлъ мастерами въ четырехъ стѣнахъ комиссій. Общія собранія все болѣе и болѣе превращались въ декоративныя, парадныя собранія, на которыя лишь для видимости вносились вопросы, судьба которыхъ была уже предрѣшена. Общія собранія должны были лишь демонстрировать общее внушительное единодушіе двухъ съ половиной десятковъ національныхъ секцій Интернаціонала.

Какъ будто Интернаціоналъ перестал быть молодой, полной свѣжихъ силъ и новыхъ исканій организаціей. Какъ будто онъ вступилъ въ эпоху солиднаго, пожилого возраста, уравновѣшенности, любви къ устойчивому спокойствію. Не «вѣчное движеніе мысли», не живое столкновеніе концепцій, будящее работу ума, не перманентный пересмотръ теорій на новыхъ фактахъ вѣчно обновляющейся жизни,—а исканіе «равнодѣйствующей», которая бы всѣхъ успокоила, никого не обидѣла, всѣхъ примирила, удовлетворила консервативной потребности въ поддержаніи одной, разъ усвоенной линіи поведенія,—вотъ что было характерно для внутренняго содержанія послѣднихъ международныхъ конгрессовъ. И невольно рождалась мысль: что это? Неужели кульминаціонный пунктъ развитія соціализма уже достигнутъ, и мы—передъ спускомъ? Неужели мы уже пережили его творческую, мятежную юность, вступили въ полосу спокойной, застывшей зрѣлости и передъ нами дальше—спускъ къ старости къ медленному, но вѣрному одряхлѣнію?

Но нѣтъ! Коллективныя величины—не организмы, для которыхъ законъ жизни — регулярный переходъ черезъ три естественныхъ возраста, съ ихъ неизбѣжнымъ эпилогомъ—смертью. Политическая партія, да еще такая, какъ соціализмъ—партія революціи, партія будущаго—олицетворяетъ собою динамическій моментъ исторіи. Она можетъ и должна быть вѣчно юной, вѣчно безпокойной, вѣчно ищущей! Если она утрачиваетъ эти черты, если она ищетъ устойчивости и спокойствія—это признакъ болѣзни, подтачивающей жизненную энергію, это указываетъ на ненормальное состояніе организма...

Послѣднее время Интернаціоналъ и былъ, дѣйствительно,

боленъ. Онъ не заболѣлъ внезапно. заразившись отъ другихъ классовъ прилипчивой воинственной лихорадкой. Нѣтъ, онъ былъ разслабленъ предшествующей затяжной болѣзнью и потому не нашелъ въ себѣ достаточно внутреннихъ силъ, чтобы противостоять этой заразѣ. И, какъ всякій, болѣющій скрытой болѣзнью, онъ чувствовалъ себя неувѣреннымъ, онъ не стремился брать приступомъ новыя высоты,—къ чему такъ толкаетъ ощущеніе полноты силъ, — а искалъ спокойныхъ, торныхъ обходныхъ путей.

Интернаціоналъ началъ бояться разногласій въ собственной средѣ. Вмѣсто того, чтобы ихъ вскрывать, онъ сталъ ихъ затушевывать и всевозможными искусственными мѣрами «элиминировать».

«Интернаціональный конгрессъ не можетъ рѣшать въ пользу одной или другой изъ двухъ концепцій»—разсудительно говорилъ тотъ же Реннеръ—«онъ можетъ принимать лишь проекты, на которыхъ всѣ товарищи пришли къ соглашенію... И потому мы въ резолюціи упомянули лишь такіе пункты, на которыхъ сходилось большинство, части же, по которымъ мнѣнія расходились—оставили въ сторонѣ...»

Вотъ онъ, этотъ спокойный и удобный методъ. Просто-напросто «вынести за скобки» общіе элементы въ разныхъ возрѣніяхъ, черезъ все же, остающееся въ скобкахъ, просто перешагнуть, какъ будто все это—уже вещи, Интернаціонала не касающіяся. Но спрашивается: какъ же быть, если эти «выносимые за скобки» общіе элементы окажутся величиной слишкомъ незначительною сравнительно съ элементами разнообразія, съ своеобразіемъ «расходящихся концепцій»? Какъ увеличить эту «общую платформу»? Вотъ тутъ-то на помощь и приходило искусство дипломатовъ отъ соціализма, профессіональныхъ мастеровъ по части фабрикованія резолюцій, искусниковъ перекидывать словесные мосты черезъ пропасти, раздѣляющія разнообразіе концепцій. Развѣ мало словъ, въ которыя разными людьми можетъ быть вложено различное содержаніе? Умѣло составленная изъ такихъ словъ резолюція—можно сказать словами русской поговорки—вродѣ той бабушки, которая вѣчно ухитряется «на двое сказать»...

Дипломатическій методъ разрѣшенія острыхъ и открытыхъ вопросовъ... Словесные мосты между разногласіями концепцій... Декоративное и парадное единство вмѣсто внутренняго... Все это привело насъ къ тому, что внѣшняя импозантность Интернаціонала передъ роковымъ испытаніемъ жизни рухнула, какъ зданіе, построенное на пескѣ... Вмѣсто стройнаго зданія—разлетѣвшіеся во всѣ стороны обломки... Мы начинаемъ подбирать ихъ по частямъ...

Уже были и еще будутъ всевозможные конференціи и конгрессы, которые должны служить въ рядахъ соціализма насущному дѣлу хотя бы частичнаго «собиранія земли», подготовительнаго къ возстановленію всего зданія. Но если они примутся за дѣло тѣмъ же старымъ «дипломатическимъ методомъ» обхода острыхъ и больныхъ вопросовъ; если они заранѣе рѣшатъ не стремиться ни къ чему иному, кромѣ санкціи заднимъ числомъ поведенія участвующихъ въ ней партій плюсъ отысканіе какого-нибудь искуснаго, хотя бы и внѣшняго компромисса между ними—то они съ равнымъ успѣхомъ могутъ и совсѣмъ не собираться. Достиженіе во что бы то ни стало внѣшняго единства путемъ ловкаго стиранія острыхъ угловъ да устраненія слишкомъ широкой постановки вопросовъ, подъ предлогомъ, что въ такой моментъ не время слишкомъ много возиться съ общими принципами и теоріями,—эта торная дорожка намъ слишкомъ знакома, и ни къ чему путному она насъ не выведетъ. Нѣтъ, «эта штука стара, ее бросить пора». И если ближайшія конференціи хотятъ, дѣйствительно, поставить вѣхи для дороги, ведущей къ возрожденію Интернаціонала,—то онѣ должны будутъ рѣшительно порвать съ тѣми традиціями второго Интернаціонала, въ которыхъ заключалась не его сила, а его слабость, и которыя носили въ себѣ зерно его будущаго банкротства.

ТРИ КОНФЕРЕНЦІИ.

Со времени послѣ-военной летаргіи, охватившей парализованное тѣло рабочаго Интернаціонала, имѣли мѣсто уже три частичныхъ конференціи: Копенгагенъ, Лондонъ, Вѣна. Три вѣхи, знаменующія распадъ международнаго соціализма на три части,—каждая со своей особой физіономіей, каждая со своей особой психологіей...

Нѣтъ болѣе международнаго соціализма! Есть «нейтральный соціализмъ». Есть «соціализмъ тройного согласія». И есть «соціализмъ двойственнаго союза».

* * *

Копенгагенъ... Сюда съѣхались соціалисты четырехъ нейтральныхъ сѣверныхъ странъ—Швеціи, Норвегіи, Даніи и Голландіи. Они не особенно старались о привлеченіи другихъ, не затронутыхъ войною странъ. Участіе же соціалистовъ изъ воюющихъ государствъ ихъ какъ будто даже пугало, и въ обращеніи къ нимъ организованнаго бюро конгресса можно было прочесть недвусмысленный намекъ на то, что ихъ въ гости не ожидаютъ. Это стремленіе какъ можно болѣе сузить и ограничить составъ конференціи уже само по себѣ было достаточно краснорѣчиво: было ясно, что такъ же сузить хотятъ и содержаніе предстоящихъ дебатовъ.

И результаты ея какъ нельзя болѣе оправдали эти ожиданія...

Вещи познаются сравненіемъ. И вотъ, по случайности, въ тотъ же самый день, какъ былъ опубликованъ въ французской прессѣ полный текстъ постановленій Копенгагенскаго совѣщанія, въ швейцарскихъ газетахъ можно было прочесть резолюцію соціальдемократовъ берлинскаго предмѣстья—Шарлоттенбурга.

Скромное локальное собраніе — съ одной стороны, четыре національныхъ секцій международнаго соціализма—съ другой.

Но сравните шагъ за шагомъ эти два документа.

Копенгагенская резолюція въ вопросѣ о причинахъ войны заботливо держится около «первоисточника», около конечныхъ причинъ войны: «капитализмъ въ его имперіалистической формѣ».

Резолюція скромнаго берлинскаго предмѣстья, не отказываясь отъ восхожденія къ этой «причинѣ всѣхъ причинъ», не забываетъ, однако же, отмѣтить значеніе и роль династическихъ тенденцій, давая этому фактору нарицательное имя «бонапартизма».

Копенгагенская резолюція боится коснуться вопроса о непосредственныхъ виновникахъ войны и, чтобы никого не обидѣть, предпочитаетъ объ этомъ дипломатически умалчивать. Резолюція берлинскаго предмѣстья прямо и откровенно заявляетъ: «военная партія Германіи вмѣстѣ съ военной партіей Австріи... непосредственно вызвали войну». Запятые разоблаченіемъ своихъ правительствъ и рискуя навлечь на себя упреки въ дѣйствіяхъ на руку внѣшнему врагу, наши нѣмецкіе товарищи изъ Шарлоттенбурга не хотятъ даже совсѣмъ ничего говорить о непосредственной винѣ, хотя бы русской военной партіи: они предоставляютъ эту сторону дѣла намъ, считая, что въ такомъ вопросѣ наши слова будутъ имѣть гораздо больше и политическаго вѣса, и моральнаго авторитета.

Копенгагенская резолюція, далѣе, боится сказать хотя бы одно слово критики по адресу поведенія соціалистическихъ партій воюющихъ странъ.

Резолюція берлинскаго предмѣстья ставитъ себѣ цѣлью вскрыть всю фальшь лозунга всеобщаго единенія во имя національной защиты. Когда страна ведетъ имперіалистскую войну, вторженіе непріятеля въ ея предѣлы еще не измѣняетъ кореннымъ образомъ внутренней природы этой войны и не превращаетъ ее въ національную. Опасность такого вторженія—только обычный «рискъ предпріятія». И, вообще, безсмысленно думать, что вдохновляемое имперіалистическими планами правительство могло бы представлять собою чистое и безпримѣсное во-

площеніе интересовъ національной самообороны. — и ничего болѣе.

Копенгагенская резолюція молчитъ по поводу поведенія тѣхъ соціалистическихъ партій, которыя, доводя до естественнаго логическаго конца свое «пріятіе войны», вотировали и вотируютъ военные кредиты, не останавливаясь передъ явнымъ свидѣтельствомъ агрессивности своего правительства.

Берлинское предмѣстье категорически осуждаетъ такую готовность соціалистовъ и свою «руку приложить» къ дѣлу войны, заявляя, что она идетъ противъ сущности соціализма, противъ его программы, противъ постановленій интернаціональныхъ контрессовъ».

Та и другая резолюція, разумѣется, высказываются за миръ. Не за «миръ во что бы то ни стало», не за миръ, *какой придется*,—а за миръ прочный, не содержащій въ себѣ зародыша будущихъ распрей и войнъ, а потому далекій отъ *униженія* какой-либо страны или отъ покушенія на ея единство и свободу.

Но Копенгагенская резолюція, въ качествѣ практическихъ средствъ для достиженія такого мира, указываетъ лишь одно: обращеніе соціалистическихъ партій нейтральныхъ странъ къ *своимъ правительствамъ*, съ цѣлью побудить ихъ къ выступленію съ предложеніемъ своего посредничества между воюющими сторонами.

Резолюція Берлинскаго предмѣстья никакихъ надеждъ ни на какія правительства не возлагаетъ и никакихъ демаршей передъ ними не совѣтуетъ. Она говоритъ только самому пролетаріату о *борьбѣ* за миръ, о необходимости *все сдѣлать*, что будетъ необходимо для успѣха борьбы. И, принимая во вниманіе, что въ Германіи царитъ военное положеніе, быть можетъ, позволительно сказать, что sapienti sat.

Шарлотенбургскіе товарищи, какъ видите, говорятъ напрямики. И какъ хорошо оттѣняютъ ихъ простыя и ясныя рѣчи уклончивость и изворотливость Копенгагенской столичной соціалистической дипломатіи! Насколько при этомъ сравненіи рѣзче бросается въ глаза все обидное несоотвѣтствіе принятыхъ въ Копенгагенѣ резолюцій съ глубиной, остротой и тяжестью переживаемаго сейчасъ соціализмомъ кризиса! Неужели для

совѣщавшихся дѣятелей соціализма было не ясно, что кризисомъ этимъ поставленъ въ порядокъ дня во всю свою величину огромный вопросъ о взаимномъ отношеніи интернаціональнаго и національнаго элементовъ въ соціалистическомъ міросозерцаніи, въ его органической связи со всѣми другими частями нашего теоретическаго credo? Неужели имъ было не ясно, что передъ нами кризисъ одновременно идейный и тактическій? Неужели вся тактика соціализма по отношенію къ воинственнымъ предпріятіямъ правящихъ классовъ не подвергнута уже уничтожающей критикѣ жизни и не ждетъ идущей слѣдомъ за нею критики мысли?

Что же это? Умственное безсиліе? Или политическая робость? Или то и другое вмѣстѣ взятое?

Люди боятся касаться «больныхъ», «острыхъ» вопросовъ... Люди намѣренно à priori устраняютъ ихъ изъ своихъ обсужденій. И думаютъ, будто они этимъ способствуютъ смягченію кризиса.

Не наоборотъ ли? Не придаетъ ли такое поведеніе существующему кризису какую-то неопредѣленную, глухую, скрытую и затяжную форму?

И какой жалкій видъ имѣетъ единственное практическое предложеніе — прибѣгнуть къ своимъ правительствамъ! Правительствамъ второстепенныхъ государствъ, правительствамъ, которыя еще болѣе робко избѣгаютъ касаться острыхъ и больныхъ для воюющихъ сторонъ вопросовъ! Правительствамъ, которыя хотятъ лишь искусно лавировать между Сциллой и Харибдой—опасностью навлечь на себя враждебность либо двойственнаго союза, либо тройственнаго согласія!

Вотъ ужъ, поистинѣ—«не съ чего, такъ съ... червей!».

Нѣтъ! Оставимъ правительства мелкихъ странъ извиваться червями и проскальзывать ужами между двухъ огней. Не эти правительства выведутъ міръ изъ кошмарной бойни. Не сверху, а снизу придетъ избавленіе...

Тщетны будутъ всѣ представительства нейтральныхъ соціалистовъ сѣвера передъ тремя скандинавскими монархами и голландской королевой. Въ разрѣшеніи европейскаго кризиса это—

величины мнимыя. Секретная дипломатія нейтральныхъ странъ не болѣе окажется способной водворить миръ на землѣ, чѣмъ секретная дипломатія странъ, нынѣ ввергнутыхъ въ бездну «краснаго смѣха» войны. Новѣйшій нейтральный соціализмъ— увы!—забылъ заповѣдь настоящаго революціоннаго соціализма:
«Electere si nequeo superos—Acheronta movebo!».

* * *

Лондонъ... Соціалистическія партіи Англіи, Бельгіи, Франціи и Россіи..

Впрочемъ «Россія» съ большими оговорками. Ни финны, ни евреи, ни поляки, ни украинцы, конечно, не были приглашены вовсе. Внѣ конференціи остались и сербскіе соціалисты, извѣстные противники войны. И даже великорусскія партіи были въ большинствѣ случаевъ приглашены лишь въ послѣдній моментъ, и съ такими организаціонными упущеніями, что не могло быть и рѣчи о какой-нибудь подготовкѣ къ конференціи. И, въ концѣ концовъ, даже явившіеся делегаты либо ушли съ конференціи, либо демонстративно отказались принимать участіе въ ея голосованіяхъ. Осталось только два делегата, патріоты народническаго оттѣнка, Аргуновъ и Рубановичъ, которые подписались подъ лондонской резолюціей за всю огромную Россію.

Что такое была Лондонская конференція по своему замыслу?

Теперь, послѣ того какъ выяснились ея результаты, въ этомъ не можетъ быть сомнѣній. Это была попытка соціалистическихъ министровъ — Вандервельда въ Бельгіи, Самба во Франціи и будущаго министра Гендерсона въ Англіи—упрочить свое положеніе, создать политическую платформу для новѣйшаго трипль-антантъ-соціализма» и оказать возможно большее моральное давленіе на интернаціоналистическихъ «смутьяновъ»—независимую рабочую партію въ Англіи, Мергейма и его друзей во Франціи, быть можетъ, частью и на русскихъ интернаціоналахъ, если они не окажутся безусловно неисправимыми.

Удалась ли имъ эта задача? Частью да, частью нѣтъ.

Самымъ своимъ фактомъ лондонская конференція создала прецедентъ, узаконяющій дѣленія и группировки соціалистическихъ партій соотвѣтственно военно-дипломатическимъ группировкамъ современныхъ буржуазно-имперіалистическихъ и полуабсолютистскихъ государствъ. Она санкціонировала прикованность соціализма къ военнымъ колесницамъ современныхъ громадныхъ многонаціональныхъ трестовъ, составленныхъ для властвованія надъ міромъ.

Своею резолюціей Лондонская конференція попыталась поддержать общую тенденцію соціализма, подвергшагося патріотическому перерожденію, — тенденцію къ идеализаціи войны. И всего ярче эта тенденція отразилась въ томъ пунктѣ резолюціи, гдѣ изъ «побѣды союзниковъ» въ качествѣ должнаго слѣдствія выводятся «Соединенные Штаты Европы и всего міра».

Изъ этой идеализаціи войны вытекаетъ и основной политическій лозунгъ «трипль-антантъ-соціализма». Онъ, конечно, гласитъ не «да будетъ миръ», а «да будетъ побѣда» опредѣленнаго союза опредѣленныхъ правительствъ...

Wer A sagt, muss auch B sagen. «Категорическій императивъ» международнаго объединенія пролетаріата потерялъ для Лондонской конференціи свою силу. Къ «Соединеннымъ Штатамъ Европы и всего міра» дорогу пролагаетъ не побѣда соединенной трудовой демократіи надъ соединеннымъ міромъ эксплоатаціи, а побѣда «своихъ» надъ «чужаками» въ междоусобной борьбѣ расъ и народовъ. Категорическій императивъ мірового объединенія пролетаріата отложенъ на время послѣ заключенія мира—и тѣмъ самымъ дана косвенная санкція распада Интернаціонала на все время войны.

Но, чтобы заставить нерѣшительное интернаціоналистское меньшинство примириться съ этими основными мотивами резолюціи, соціалисты «трипль-антантные» должны были пойти имъ навстрѣчу въ другихъ вопросахъ. Они признали, что «свою долю вины» за эту войну, хоть и не въ одинаковой мѣрѣ, несутъ всѣ воюющія правительства. Они «безтактно» вотировали осужденіе политики русскаго царизма. Они отклонили

проекты «политическаго или экономическаго разгрома Германіи». Они обѣщали, хоть и послѣ войны, возстановить Интернаціоналъ и вернуться къ традиціямъ классовой борьбы. И этого было довольно, чтобы, напр., во Франціи вся буржуазная пресса подняла неистовый шумъ, называя Лондонскую конференцію политическимъ скандаломъ и требуя отставки соціалистическихъ министровъ.

Дѣлать нечего. Приходилось въ совершившемся кое-что подчистить и подправить. И вотъ въ палату депутатовъ вносится соотвѣтственный запросъ, и Вивіани, отъ имени всего «единодушнаго» правительства—не исключая и Самба съ Жюлемъ Гэдомъ—даетъ успокоительныя разъясненія. Вполнѣ въ стилѣ пресловутыхъ истинно-русскихъ «сенатскихъ разъясненій»...

Въ Лондонѣ соціалистическіе министры согласились, что всякое буржуазное правительство несетъ за войну свою долю отвѣтственности. Теперь правительство вполнѣ «единодушно» думаетъ, что эта отвѣтственность всецѣло лежитъ лишь на Германіи и Австріи.

Въ Лондонѣ не хотѣли политическаго и экономическаго разгрома Германіи, — теперь «правительство будетъ продолжать войну до конца»—«до моральнаго освобожденія Европы, до матеріальнаго освобожденія Бельгіи, до занятія Эльзасъ-Лотарингіи, до окончательнаго успѣха Сербіи». Стыдливое умолчаніе допущено лишь для Россіи съ ея «историческими задачами»: возстановленіемъ Польши, завоеваніемъ Царьграда, «освобожденіемъ» галичанъ, угро-руссовъ, армянъ, лазовъ, и пр., и пр.

Лондонская резолюція ставила Эльзасъ Лотарингію въ рядъ другихъ угнетенныхъ странъ, предоставляя ея населенію самому рѣшить голосованіемъ свою судьбу,—пунктъ, вызвавшій особенно сильное негодованіе патріотовъ. Вивіани спѣшитъ успокоить ихъ: опросъ населенія излишенъ. «Когда мы соединимъ свои руки вокругъ Эльзасъ-Лотарингіи, она вернется къ намъ не по праву завоеванія, а по праву возстановленія».

Въ Лондонѣ выносился протестъ противъ дѣйствій русскаго правительства,—Вивіани поспѣшилъ завѣрить своихъ «благородныхъ союзниковъ» въ «неизмѣнной вѣрности Франціи».

Вивіани заявилъ, что во всемъ этомъ «правительство единодушно». Гэдъ и Самба признали это—и, такимъ образомъ, публично отреклись почти отъ всего, что еще оставалось соціалистическаго въ лондонской декларации.

И совершенно оголенной осталась ея цѣль—превратить соціализмъ союзныхъ странъ въ послушное служебное орудіе ихъ правительствъ...

* * *

Послѣ Лондона — Вѣна. Тамъ пародировалъ «Triplentente-socialisme»; здѣсь—«Zweibundsocialismus».

Декларація конференціи «двойственныхъ» соціалистовъ, быть можетъ, еще неудовлетворительнѣе и скуднѣе деклараціи лондонской. По этой деклараціи едва ли не всѣ бѣдствія войны наступили для того, чтобы оправдать пророческую проницательность «учителей» нѣмецкаго соціализма, предрекавшихъ, что скачки по пути вооруженій фатально кончатся катастрофой. «Учителя», дѣйствительно, это предсказывали, хотя на всякій случай предсказывали и противоположное—что путемъ внутренняго діалектическаго самоотрицанія развитіе милитаризма создаетъ силы, удерживающія отъ войны. Одно изъ этихъ пророчествъ не могло не сбыться, и говорящій «либо дождикъ, либо снѣгъ, либо будетъ либо нѣтъ» выйдетъ правымъ изъ всякаго испытанія. Вышелъ правымъ и нѣмецкій соціализмъ.

* * *

Кто говоритъ о тяжкомъ кризисѣ интернаціонала? По мнѣнію вѣнскихъ соціалистическихъ конгрессовъ, «фактъ защиты соціалистами воюющихъ странъ каждыми своего отечества и своего народа не можетъ быть препятствіемъ для поддержанія международныхъ связей между соціалистическими партіями и функціонированія ихъ интернаціональныхъ учрежденій». Всѣ правы въ этой странной войнѣ, всѣ защищаются—неизвѣстно лишь, какъ это можетъ быть, когда никто не нападаетъ! У всѣхъ одинаковая обязанность—защиты родины—но эта оди-

наковая обязанность не есть общая обязанность, но есть организованное дѣланіе общаго дѣла. И какъ хорошо будетъ выглядѣть при отсутствіи общаго дѣла фукціонированіе—должно быть, по инерціи—формальныхъ «интернаціональныхъ учрежденій» и «международныхъ связей»! Вотъ оно, истое соціалистическое «болото»!

Zweibund-соціалисты снисходятъ до завѣренія въ своемъ миролюбіи, «продиктованномъ не чувствомъ слабости, но достаточной силой и твердымъ намѣреніемъ оградить свое существованіе».

Иными словами: теперь, послѣ побѣдъ нѣмецкаго оружія, мы можемъ позволить себѣ роскошь снисходительной къ врагамъ готовности къ примиренію. До какой степени правы истинные борцы за миръ въ Германіи, члены лѣвой оппозиціи, называя такія миролюбивыя завѣренія фальшивой монетой! Ибо просвѣчивающая сквозь нихъ національная гордыня — худшій врагъ мира; ибо основывать миролюбіе на побѣдахъ—значитъ толкать на борьбу, а outrance тѣхъ, кто пока былъ не побѣждающей стороной; ибо бываетъ, оказывается, вызывающее миролюбіе, провоцирующее на войну до конца...

«Трипль-антантъ-соціализмъ», кричащій «jusqu'au bout»! «Цвейбундъ-соціализмъ», отвѣчающій возгласомъ «durchhalten»! «Нейтрализованный соціализмъ» — я чуть не написалъ «выхолощенный соціализмъ» опасливо жмущихся къ сторонкѣ пассивныхъ зрителей...

Гдѣ же, среди этихъ трехъ каррикатуръ на соціализмъ, голосъ настоящаго международнаго революціоннаго соціализма? Гдѣ его завѣтъ—въ случаѣ, если война разразится, повсемѣстно привести въ движеніе взволнованные низы и двинуть ихъ на борьбу противъ самыхъ основъ режима, повиннаго въ этомъ преступленіи противъ культуры и человѣчества? Гдѣ апелляція противъ войны—къ революціи?

НАШИ ДЕКЛАРАЦІИ [1]).

I.

Мы, нижеподписавшіеся члены Россійской Партіи Соціалистовъ-Революціонеровъ, заявляемъ:

Цѣль этой конференціи мы видимъ не въ томъ, чтобы узаконить хотя бы временный распадъ международнаго соціализма на части, соотвѣтствующія военнымъ и дипломатическимъ союзамъ нынѣшнихъ буржуазно-имперіалистическихъ государствъ; мы могли бы принять ее лишь какъ движеніе по линіи наименьшаго сопротивленія въ сторону постепеннаго собиранія разбитыхъ войною силъ соціализма и возрожденія Интернаціонала.

Конференція, по нашему мнѣнію, должна рѣшительно отгородиться отъ всякихъ попытокъ идеализаціи войны надеждъ на то, чтобы побѣда въ ней одной изъ борющихся сторонъ разрѣшила такія задачи, разрѣшенія которыхъ до этой войны мы ждали лишь отъ внутреннихъ побѣдъ соціализма и трудовой демократіи.

Поступать иначе значило бы оказывать слишкомъ большой морально-политическій кредитъ тому или другому изъ тѣхъ двухъ большихъ политическихъ трестовъ,—тройственнаго согласія и тройственнаго союза—соперничество которыхъ все время держало въ опасности европейскій миръ, и политика которыхъ въ слишкомъ малой степени доступна вліяніямъ, исходящимъ изъ трудящихся классовъ.

---

[1]) Послѣ обнаружившагося принципіальнаго расхожденія съ большинствомъ Лондонской конференціи, двое изъ делегатовъ с.-р., пишущій эти строки и т. М. А. Бобровъ, рѣшили отказаться отъ всякаго участія въ вотумахъ конференціи и противопоставить имъ свою особую принципіальную декларацію.

Мы можемъ принимать войну лишь какъ зло, котораго, къ сожалѣнію, не удалось своевременно предотвратить необходимымъ для этого активнымъ сопротивленіемъ рабочихъ массъ обѣихъ враждующихъ сторонъ, и которому необходимо возможно скорѣе положить конецъ возстановленіемъ ихъ нарушенной соціалистической солидарности и координированнаго политическаго дѣйствія.

Поперекъ дороги разрѣшенію этой задачи становится эпидемически свирѣпствующая среди интеллигенціи обѣихъ борющихся сторонъ идеализація «освободительныхъ» и «культурныхъ» послѣдствій побѣды каждой изъ нихъ, причемъ нѣмецкіе апологеты войны такъ же охотно выступаютъ противъ русскаго царизма, англійской морской гегемоніи и французской политики реванша, за свободу Финляндіи, Украины, Персіи, Македоніи, Египта, какъ ихъ зарубежные близнецы и противники—противъ германскаго милитаризма, за освобожденіе Эльзасъ-Лотарингіи, Шлезвигъ-Гельштейна, югославянскихъ земель и т. п.

Идеализація войны приводитъ многихъ соціалистовъ къ лозунгамъ «война до конца», «вплоть до окончательнаго разгрома» противоположной воюющей стороны. Лозунги этого рода способны, по нашему мнѣнію, лишь вызывать взаимное ожесточеніе и мѣшать тому прогрессу возрожденія взаимнаго пониманія и чувства взаимной солидарности рабочаго класса воюющихъ сторонъ, которое одно является залогомъ выхода Европы изъ того кроваваго тупика, въ которомъ она находится.

Оборотной стороной этой идеализаціи войны является призывъ къ партійному разоруженію и къ священному гражданскому миру—призывъ, на дѣлѣ разоружающій лишь элементы, имѣющіе основаніе быть недовольными существующимъ порядкомъ, связывающій руки партіямъ будущаго и оставляющій консервативные элементы полными господами положенія.

Мы понимаемъ исключительность положенія Бельгіи, нейтралитетъ которой растоптанъ грубымъ нашествіемъ и независимость которой подвергнута смертельной опасности. Мы понимаемъ, что почти столь же исключительнымъ было одно время и положеніе Франціи. Но возводить поведеніе, продиктованное

соціалистамъ этихъ двухъ странъ исключительными обстоятельствами исключительнаго момента, въ норму отношеній соціалистическихъ партій къ войнѣ—мы считали бы глубокой ошибкой. Съ этой точки зрѣнія въ современной дѣятельности французской соціалистической партіи мы привѣтствуемъ начало поворота къ большей активности, вызваннаго тайнымъ подкапываньемъ подъ республику силъ клерикализма, монархизма и національзма, явнымъ напоромъ шовинистскихъ страстей и ростомъ буржуазныхъ аппетитовъ, превращающихъ затруднительное положеніе страны въ арену для своей аферистской дѣятельности и циничнаго буржуазнаго накопленія. Мы надѣемся, что логика борьбы съ этими элементами вернетъ французскій соціализмъ къ необходимымъ классовымъ революціоннымъ позиціямъ.

Въ средѣ германской соціальдемократіи мы привѣтствуемъ ростъ лѣвой оппозиціи, смѣло устанавливающей отвѣтственность Германіи и Австро-Венгріи въ происхожденіи настоящаго конфликта, стремящейся оторвать германскую соц.-демократію отъ общенаціональнаго блока и вернуть ей независимую, автономную линію поведенія.

Со своей стороны, мы считаемъ своимъ долгомъ идти ей навстрѣчу и облегчать ея задачу, отвергая всякую идеализацію роли собственной буржуазіи и собственнаго правительства, противодѣйствуя шовинистскимъ теченіямъ въ собственной странѣ и отстаивая лозунгъ мира безъ территоріальныхъ захватовъ, безъ расчлененія и униженія побѣжденной стороны, безъ контрибуцій и т. п. мстительныхъ репрессій.

Въ отличіе отъ пацифистскаго лозунга—мира во что бы то ни стало,—обращеннаго къ правительствамъ, нашъ лозунгъ—миръ, продиктованный давленіемъ рабочихъ массъ обѣихъ борющихся сторонъ, на условіяхъ, пріемлемыхъ для ихъ правового сознанія, въ моментъ, когда они смогутъ оказаться достаточно сильными, чтобы вмѣшаться въ ходъ событій, манифестируя свою волю къ миру и не отступая ни передъ какими средствами для того, чтобы доставить ей торжество.

Мы ясно видимъ, что прочный миръ, миръ, который, дѣй-

ствительно, былъ бы миромъ, а не временнымъ перемиріемъ и обратилъ бы эту войну въ послѣднюю войну, не можетъ быть обезпеченъ простой побѣдой одной изъ воюющихъ группировокъ державъ.

Мы вѣримъ, что такой миръ, миръ на основахъ разоруженія, арбитража, признанія за національностями права на самоопредѣленіе, можетъ быть созданъ лишь въ результатѣ отрезвленія народовъ подъ вліяніемъ горькаго опыта войны и роста внутри всѣхъ государствъ народнаго движенія, рѣшившаго положить конецъ всѣмъ секретнымъ дипломатіямъ, политикѣ захватовъ, тайныхъ союзовъ, вооруженій и безотвѣтственнаго веденія внѣшней политики.

Мы не вѣримъ, чтобы современныя правительства тройственнаго согласія и двойственнаго союза могли заключить такой миръ и пойти дальше какого-нибудь компромисса, въ извѣстныхъ своихъ частяхъ достаточно уродливаго, чтобы таить въ себѣ зародышъ новыхъ войнъ.

Мы поэтому считаемъ, что миссія соціализма во всѣхъ странахъ будетъ, въ концѣ концовъ, состоять въ возвратѣ къ полной свободѣ дѣйствій, въ усиленной и энергичной, не останавливающейся ни передъ чѣмъ агитаціи, имѣющей цѣлью вызвать широкое народное движеніе, достаточно сильное для того, чтобы или продиктовать современнымъ правительствамъ волю рабочей демократіи, или замѣнить ихъ другими.

Одной изъ причинъ развала международнаго рабочаго движенія въ современной военной катастрофѣ мы считаемъ нерѣшительность и революціонную импотенцію Второго Интернаціонала, ни разу не рѣшившагося, въ своемъ цѣломъ, пойти дальше чисто пассивныхъ формъ «войны противъ войны» и принять революціонные методы сопротивленія военной опасности, формулированные неоднократно въ предложеніяхъ Вайана, Кейръ-Гарди и Жореса.

Мы ждемъ поэтому и возрожденія Интернаціонала отъ рѣшительнаго и смѣлаго выступленія оставшихся вѣрными соціализму силъ на путь революціонной тактики, и считаемъ, что созданное войною потрясеніе всего народно-хозяйственнаго орга-

низма, безсиліе капиталистическаго режима не только возродить его, но и поддерживать существованіе современныхъ націй въ исключительныхъ условіяхъ войны—безсиліе, вызвавшее въ жизни разнообразныя, часто уродливыя формы «военнаго соціализма»—открываютъ для настоящаго соціализма новые широкіе горизонты и новыя возможности.

Параллельный ростъ революціоннаго соціализма во всѣхъ воюющихъ странахъ; конечный разрывъ, подъ вліяніемъ этого роста, гражданскаго мира и общенаціональнаго блока; возстановленіе еще до конца войны интернаціональной связи рабочаго класса; напоръ на всѣ правительства во имя сформулированныхъ соціализмомъ требованій мира—таковы перспективы, на которыхъ намъ рисуется возрожденіе интернаціональнаго соціализма, какъ вновь объединенной и дѣйственной исторической силы, или Третьяго Интернаціонала.

II.

Въ качествѣ представителей русской партіи соц.-рев. мы считаемъ необходимымъ заявить, что положеніе нашей партіи въ создавшемся международномъ конфликтѣ особенно сложно, затруднительно и отвѣтственно.

Къ несчастью, поступательный ходъ русскаго революціоннаго движенія не былъ достаточно проченъ и быстръ для того, чтобы къ моменту всемірной катастрофы Россія съ ея огромными рессурсами не находилась болѣе въ распоряженіи того же царскаго самодержавія, обставившаго свой произволъ лишь совершенно мишурными декораціями.

Поэтому въ настоящій конфликтъ царская Россія вноситъ всю необузданную «волю къ власти» и всѣ притязанія на всемірное политическое преобладаніе, свойственное династическому честолюбію; поэтому же ея участіе въ войнѣ сопряжено съ прогрессивнымъ ростомъ территоріальныхъ притязаній, который съ

каждымъ новымъ успѣхомъ русскаго оружія принимаетъ все болѣе и болѣе внушающіе опасенія размѣры.

Уже въ настоящее время русская реакціонная и консервативная пресса заявляетъ претензіи не только на устья Вислы, Галицію, Константинополь и проливы, Турецкую Арменію, но простираетъ ихъ вплоть до размѣровъ всего «германскаго наслѣдства въ Турціи», угрожая такимъ образомъ будущими самыми серьезными осложненіями въ отношеніяхъ между союзниками.

Въ настоящій моментъ царская Россія опозорила себя явно фальшивымъ и неискреннимъ обращеніемъ къ полякамъ, этимъ чисто стратегическимъ маневромъ, достойнымъ Бисмарка, которое имѣетъ цѣлью воспользоваться прусскими и австрійскими поляками, какъ слѣпымъ орудіемъ, давая имъ заманчивыя и лживыя обѣщанія, представляющія собою издѣвательство надъ страданіями и завѣтнѣйшими мечтами польскаго народа.

Захватомъ Галиціи царское правительство воспользовалось прежде всего для того, чтобы уничтожить въ ней очагъ самостоятельной духовной культуры украинскаго народа, который въ предѣлахъ Россіи издавна терпитъ систематическое преслѣдованіе своего родного языка, школы и литературы. Обрусеніе же украинцевъ въ глазахъ русскихъ націоналистовъ имѣетъ тотъ смыслъ, что съ его завершеніемъ консолидируется преобладаніе великорусскаго племени надъ всѣми другими народностями, находящимися подъ властью Россіи и создается возможность длительнаго ихъ майоризированія.

Въ Польшѣ, Галиціи и Буковинѣ русскія власти вызвали эру систематическаго гоненія на евреевъ, рѣдкаго въ исторіи по своему безсердечію, цинизму и жестокости.

Наконецъ, всѣ эти дѣйствія царской Россіи, отчуждая ее отъ демократическихъ элементовъ всего міра, подготовляютъ для будущаго полную перегруппировку державъ и оставляютъ не исключенной даже возможность новаго «священнаго союза» полуабсолютистскихъ государствъ средней и восточной Европы противъ болѣе демократическихъ странъ Запада.

Всѣ указанныя обстоятельства, вмѣстѣ съ поддержаніемъ

внутри Россіи режима гоненій противъ соціалистической и трудовой демократіи, заставляютъ послѣднюю самымъ категорическимъ образомъ отвергнуть лицемѣрные призывы къ гражданскому миру и общенаціональному сплоченію подъ знаменами царизма.

Напротивъ, болѣе чѣмъ когда-либо силы русскаго соціализма и демократіи должны быть сплочены для борьбы съ внутренней опасностью націоналистической и шовинистской реакціи, увлекающей Россію на политику авантюръ, позорящей ее въ глазахъ человѣчества и способной компрометировать дѣло болѣе свободныхъ и демократическихъ государствъ Запада въ ихъ борьбѣ противъ полу-абсолютизма Германіи и Австро-Венгріи.

Мы вполнѣ понимаемъ, что, съ извѣстной точки зрѣнія, западно-европейскіе соціалисты и демократы могутъ считать исторически выгоднымъ то обстоятельство, что русскій царь борется съ германскимъ кайзеромъ, вмѣсто того, чтобы въ союзѣ съ нимъ грозить болѣе свободнымъ странамъ Европы.

Но мы категорически и во всеуслышаніе протестуемъ противъ того, чтобы изъ рядовъ европейскаго соціализма и демократіи ради этой реальной выгоды считали возможнымъ затушевывать преступленія русскаго царизма и тѣмъ косвенно способствовать обману общественнаго мнѣнія Европы.

Такая политика является близорукой и недальновидной, она скрываетъ отъ Европы всѣ вѣроятныя перспективы будущаго, всѣ опасности, которыми оно чревато; она играетъ на руку русскому царизму въ его худшихъ замыслахъ и безусловно вредитъ внутри самой Россіи дѣлу соціализма и демократіи.

Скованная пока обстоятельствами народная трудовая Россія, которую многіе не видятъ за Россіей царской, собравшись съ силами, воспользуется первымъ благопріятнымъ моментомъ, чтобы освободиться отъ позорящаго режима и тѣмъ устранить нависшую надъ прогрессомъ Европы новую угрозу—царскаго милитаризма, способнаго ввергнуть міръ въ трагедію новыхъ войнъ не меньше, чѣмъ милитаризмъ гогенцоллернскій.

Эта трудовая Россія не имѣетъ никакихъ великодержавныхъ претензій на гегемонію въ Польшѣ, Финляндіи, Арменіи и Украйнѣ, и, признавая за каждой національностью право на самоопредѣленіе, хотѣла бы лишь одного—братскаго союза съ ними на основахъ свободной федераціи.

НА ПУТИ КЪ ТРЕТЬЕМУ ИНТЕРНАЦІОНАЛУ.

«Конференція ни въ какомъ случаѣ не должна взять на себя задачу созданія Новаго Интернаціонала». Съ этого рѣшительнаго заявленія начались въ свое время ра[illegible] первaго—съ начала войны—совѣщанія [illegible] и нейтральныхъ странъ. Это заявленіе не разъ повторялось на засѣданіяхъ Циммервальдской конференціи. Повторено оно, наконецъ, и въ официальномъ отчетѣ о ней.

И заявленіе это правильно. Новый Интернаціоналъ будетъ—но онъ будетъ созданъ не росчеркомъ пера собранія въ нѣсколько десятковъ человѣкъ. Онъ будетъ, и будетъ новымъ,—даже въ томъ случаѣ, если онъ формально сохранитъ связь съ прежнимъ,—Вторымъ Интернаціоналомъ.

Интернаціоналъ обновится, или же его не будетъ вовсе. Слишкомъ много фиктивнаго было въ старомъ Интернаціоналѣ. Фиктивно, искусственно составлялось единогласіе на черезчуръ эластичныхъ, «на двое» говорящихъ формулахъ. Фиктивно, искусственно придавалась видимость грозной дѣйственности рѣшеніямъ, которыя на дѣлѣ бывали лишь словесно-платоническими. Фиктивной, искусственной была, наконецъ, и самая внѣшняя видимость Интернаціонала, какъ демократически самоуправляющагося общества все растущаго числа отдѣльныхъ «національныхъ соціализмовъ»...

Да, фиктивной и искусственной! Ибо на дѣлѣ вмѣсто демократіи на интернаціональныхъ конгрессахъ царила неоспоримая идейная гегемонія одной партіи, одного соціализма: нѣмецкаго. Да не подумаетъ, однако, читатель, что въ нашемъ замѣчаніи содержится укоръ или полемическій выпадъ противъ этого «баловня соціалистической судьбы». Если

здѣсь есть выпадъ, то скорѣе по адресу другихъ соціалистическихъ партій. «Всякая страна имѣетъ то правительство, котораго заслуживаетъ». И если та—не реальная, а идеальная—«страна», которую представлялъ собою развивающійся соціалистическій интернаціоналъ, имѣла одного безспорнаго «идейнаго гегемона», то это свидѣтельствуетъ лишь о томъ, что остальныя части «страны» были слишкомъ незрѣлы для того, чтобы ходить на собственныхъ ногахъ: ихъ можно было лишь водить на помочахъ. Нѣмецкій соціализмъ взялъ на себя эту задачу, оказалъ имъ эту, необходимую для нихъ, услугу. Если бы онъ этого не сдѣлалъ—онѣ представляли бы собою жалкое зрѣлище своими вѣчными шатаніями изъ стороны въ сторону, своими безпрестанными паденіями, своимъ исканіемъ пути ощупью, какъ бы въ потемкахъ. Это печально, но это фактъ.

Нѣмецкій соціализмъ избавилъ своихъ заграничныхъ собратій отъ цѣлаго ряда мечтаній и паденій; онъ сообщилъ имъ, какъ центральная планета своимъ спутникамъ, весь отблескъ своего свѣта, всю опредѣленность своего собственнаго движенія и притяженія. Онъ повелъ ихъ за собою, и они твердою поступью двинулись къ конечной точкѣ его пути. Тамъ было—то же паденіе. Но одно, единое, конечное. И паденіе это было великое...

Еще темны пути будущаго—по существу, если не по названію, то по существу новаго, Третьяго Интернаціонала. Но одно ясно. Нѣтъ и не можетъ быть вопроса о томъ, к т о займетъ мѣсто нѣмецкой соціальдемократіи въ руководствѣ общимъ движеніемъ. Н и к т о. Будущій Интернаціоналъ не будетъ знать единаго «идейнаго гегемона». Слишкомъ жестокъ былъ пережитый урокъ. Слишкомъ громаденъ и ужасенъ кризисъ. Слишкомъ велика опасность начать сначала ту же самую сказку про бѣлаго бычка—слѣпо пойти въ чьемъ-нибудь хвостѣ куда-то,—быть можетъ, къ новому кризису. Чувство всеобщей отвѣтственности за то, куда придетъ новый, будущій Интернаціоналъ,—вотъ чѣмъ отмѣчено будетъ его возникновеніе.

И потому сто разъ правы были иниціаторы конференціи, когда при ея созывѣ намѣренно отвлеклись отъ «принципіальныхъ отличій въ области теоретическаго обоснованія соціа-

лизма». Въ идейный горнъ снова должны быть ввергнуты всѣ тѣ ходячія формулы, всѣ тѣ «общепризнанныя истины», которыя казались неприкосновеннымъ «желѣзнымъ инвентаремъ» соціалистической политики, и которыя оказались неспособными спасти его отъ жесточайшаго моральнаго кризиса и распада. Ихъ нужно переплавить въ огнѣ безстрашной революціонной критики. Глубочайшія и отдаленнѣйшія изъ причинъ кризиса должны быть продуманы, охвачены порознь и въ совокупности, прослѣжены во всѣхъ ихъ развѣтвленіяхъ. И было бы глубочайшей ошибкой связывать судьбу дѣла возрожденія Интернаціонала съ судьбой какой-нибудь одной, старой или новой «системы», «доктрины» или теоріи.

Мы видимъ, что конференція хотѣла избѣжать этой ошибки. Другой вопросъ, вполнѣ ли ей это удалось. Но выше вопроса о томъ, вполнѣ ли безупречны теоретически и практически первые шаги къ возстановленію Интернаціонала, стоитъ вопросъ о томъ, что эти первые шаги должны быть сдѣланы. Частныя ошибки въ «словахъ и жестахъ» поправимы. Непоправимо и преступно лишь соціалистическое бездѣйствіе въ такой моментъ, какъ переживаемый нами. Это бездѣйствіе, поистинѣ, «смерти подобно». И притомъ смерти духовной, смерти моральной, смерти, послѣ которой нѣтъ воскресенія.

Нельзя допустить, чтобы солидарная, духовно единая, международная соціалистическая акція умерла. Нельзя стоять въ сторонѣ отъ работы по ея возрожденію. И вотъ почему, какъ бы критически ни склоненъ былъ кто-нибудь относиться къ результатамъ работъ первой интернаціоналистической конференціи, какъ бы ни казались ему, съ точки зрѣнія его повышенныхъ требованій, недостаточными эти результаты и значительными погрѣшности и пробѣлы, единственнымъ выводомъ изъ этой критики можетъ быть лишь категорическій императивъ—дѣйственнѣе примкнуть къ этой первой кристаллизаціи международныхъ соціалистическихъ силъ, внеся въ нее всю остроту своей критической мысли, всю энергію своего идейнаго творчества и все напряженіе своей дѣйственной воли!

Первая международная соціалистическая конференція есть, въ полномъ смыслѣ этого слова, историческое событіе. Мы не нуждаемся въ казенномъ краснорѣчіи панегириковъ, въ шумихѣ громкихъ фразъ, въ барабанномъ боѣ и трубныхъ звукахъ, чтобы провозгласить ея появленіе на свѣтъ. Напротивъ, мы требуемъ отъ всѣхъ самой строгой критики каждаго ея слова и каждаго ея жеста. Пусть въ огнѣ этой критики безслѣдно сгоритъ все то дряблое и слабое, что было во второмъ Интернаціоналѣ, и что способно хотя бы блѣднымъ отблескомъ упасть и на рожденіе новаго. Пусть не сбудется на немъ старое изреченіе—le mort saisit le vif, мертвецъ душитъ живого. Одно нужно помнить. Важны не отдѣльныя слова и выраженія, важно не то, чего не досказало или пересказало первое совѣщаніе интернаціоналистовъ съ разныхъ концовъ Европы. Недосказанное можно досказать, невѣрно сказанное можно пересказать. Не буква важнѣе всего, а дѣло,—общее соціалистическое дѣло. Оно начато. Примыкайте же къ нему всѣ, примыкайте безъ заднихъ мыслей, примыкайте со всей энергіей, на которую каждый способенъ. Остающійся въ сторонѣ ослабляетъ общее дѣло. Колеблющійся и сомнѣвающійся своей инерціей поддерживаетъ то нестерпимое положеніе вещей, которое создано разваломъ соціализма, исчезновеніемъ революціоннаго дѣйствія. Огромна въ этотъ моментъ моральная отвѣтственность каждаго, и бездѣйствіе—смерти подобно!

МОЙ ОТЧЕТЪ.

Отчетъ первой интернаціоналистической конференціи говоритъ о «полномъ единодушіи и братской солидарности», въ атмосферѣ которыхъ протекали ея работы. И это не преувеличеніе. Ибо самый замыселъ конференціи—найти общее дѣло для всѣхъ, оставшихся посреди пожара международной вражды вѣрными знамени интернаціональнаго соціализма, «игнорируя ихъ принципіальныя различія въ области теоретическаго обоснованія соціализма»—такъ глубоко жизненъ, что не могъ не вызвать къ жизни духа общей солидарности, энтузіазма, стремленія къ взаимному пониманію и взаимной лойяльности. Если при такихъ условіяхъ у кого-либо узко-фракціонные интересы и цѣли и говорили сильнѣе общесоціалистическихъ, то это настроеніе не выходило за предѣлы индивидуальныхъ психологическихъ переживаній, или, въ самомъ крайнемъ случаѣ, приватныхъ засѣданій отдѣльныхъ національныхъ секцій. Въ общія работы пленарныхъ засѣданій всѣ члены конференціи вложились каждый лучшею частью своего существа, своей мысли и воли.

Но понятно, что одной доброй воли мало для того, чтобы создать дѣйствительное и полное единогласіе. Всякое единогласіе бываетъ условнымъ и относительнымъ. Самый отчетъ упоминаетъ о томъ, что нѣкоторые изъ голосовавшихъ за манифестъ пожертвовали кое-чѣмъ изъ своихъ предпочтеній и присоединились къ большинству «несмотря на желаніе видѣть нѣкоторые факты болѣе подчеркнутыми и средства борьбы болѣе опредѣленными» *). Размѣры этихъ идейныхъ пожертвованій

*) Здѣсь кстати отмѣтимъ, что резолюція въ пользу осложненія соціалистической тактики революціонными средствами борьбы, обоснованная Радекомъ и имѣвшая также подписи Ленина, Гегленда и др., была поддержана голосами обоихъ делегатовъ с.-р.-овъ.

въ отдѣльныхъ случаяхъ очень варьировали. Они были максимальны, напримѣръ, у т. Оддино Моргари, главнаго дѣятеля по организаціи конференціи, заявившаго, что онъ—не марксистъ и что для него манифестъ является слишкомъ «симплицистскимъ». Тѣмъ не менѣе, онъ внялъ призыву т. Мергейма, говорившаго, что и французскихъ делегатовъ не все удовлетворяетъ въ манифестѣ, но что для нихъ важнѣе отдѣльныхъ словъ общій смыслъ его, заключающійся въ призывѣ къ дѣйствію—внялъ и голосовалъ вмѣстѣ со всѣми.

Тѣмъ не менѣе, манифестъ прошелъ всѣми голосами при одномъ воздержавшемся. И такъ какъ этимъ единственнымъ делегатомъ, до извѣстной степени все же нарушившимъ общее единодушіе, былъ пишущій эти строки, то на немъ лежитъ обязанность—объясниться...

Подобно многимъ другимъ,—оставшимся не вполнѣ удовлетворенными манифестомъ, и я могъ бы сказать, что недоволенъ не столько тѣмъ, что въ немъ сказано, сколько тѣмъ, чего въ немъ нѣтъ.

Въ манифестѣ нѣтъ прямого обращенія къ трудовому крестьянству. Спрашивается—почему? Или конференція не могла найти существенный откликъ въ этой средѣ? Какъ разъ напротивъ. Въ отчетѣ французской делегаціи было категорически указано на то, что деревня все время неохотнѣе города мирилась съ войной. Крайній марксистъ Коляровъ, представлявшій балканскую федерацію, не менѣе рѣшительно отмѣтилъ, что болгарское крестьянство единодушно стоитъ противъ войны. Что въ русскомъ крестьянствѣ воинственныя настроенія не встрѣчаютъ отклика — также не подлежитъ никакому сомнѣнію. Мы въ своемъ отчетѣ это отмѣтили, и намъ не возражалъ ни одинъ изъ другихъ членовъ русской делегаціи.

Или для конференціи важнѣе всего были теоретическія предубѣжденія? Повидимому, скорѣе такъ. Докладчикъ комиссіи, т. Гриммъ, разбирая наше предложеніе адресоваться не

только къ «пролетаріямъ Европы», но къ работникамъ городовъ и деревень, упомянулъ, что, по отзыву русскихъ сочленовъ делегаціи, смыслъ моихъ поправокъ въ томъ, что онѣ имѣютъ тенденцію внести въ манифестъ иное теоретическое пониманіе взаимоотношенія между пролетаріатомъ и крестьянствомъ; комиссія не могла входить въ такіе вопросы теоріи и сохранила въ общемъ старый текстъ, но въ одномъ мѣстѣ, чтобы удовлетворить моему требованію, замѣнила обращеніе «пролетаріи» обращеніемъ «работники» и въ другомъ выраженіе «интересами пролетаріата» выраженіемъ «интересами рабочихъ массъ». Уступка, остающаяся совершенно незамѣтной въ манифестѣ, сплошь испещренномъ словами—пролетаріатъ, пролетарскій и т. п. Удовлетворить меня она не могла. Умолчаніе о крестьянствѣ особенно странно тамъ, гдѣ говорится, что въ результатѣ войны «новый гнетъ обрушивается на пролетаріатъ всѣхъ странъ», и что буржуазія извлекаетъ «наибольшія выгоды изъ проливаемой пролетаріатомъ крови». И тѣмъ болѣе странно, что другіе русскіе делегаты не поддержали нашихъ поправокъ *). Въ нашей странѣ, странѣ многомилліоннаго крестьянства, пройти молчаніемъ тотъ фактъ, что не одинъ пролетаріатъ проливаетъ ради правительства и буржуазіи свою кровь, и что экономическія тяготы войны на крестьянство лягутъ еще болѣе тяжкимъ гнетомъ, чѣмъ на пролетаріатъ,—не является ли чѣмъ-то непонятнымъ? Рѣчь идетъ не о пересмотрѣ теоретической оцѣнки крестьянства, какъ соціальной категоріи—такіе пересмотры не въ агитаціонныхъ манифестахъ дѣлаются,—а объ обращеніи къ огромному слою трудового народа. И какой же смыслъ настаивать на пролетарской исключительности въ терминологіи, когда рѣчь идетъ о манифестѣ, не отказывающемся взывать, кромѣ «работниковъ и работницъ», вообще къ «матерямъ и отцамъ, вдовамъ и сиротамъ, раненымъ и искалѣченнымъ», ко «всѣмъ жертвамъ войны»? Съ какой стороны ни посмотрѣть на вопросъ, односторонняя терминологія манифеста въ этомъ пунктѣ не выдерживаетъ критики. Здѣсь ясно, несмотря на заявленное въ манифестѣ желаніе отвлечься,

---

*) Исключеніемъ явился товарищъ, представлявшій Латышскую с.-д. партію.

абстрагироваться отъ «принципіальныхъ различій въ области теоретическаго обоснованія соціализма», сказалась совершенно опредѣленная—и довольно узкая — идейная и теоретическая традиція. Традиція односторонняго индустріальнаго соціализма. Соціализма, естественно развившагося въ странахъ наибольшаго развитія современнаго капитализма, въ странахъ, гдѣ нынѣ капитализмъ особенно стремится перешагнуть черезъ національныя рамки и пойти по пути имперіализма, иногда не безуспѣшно увлекая за собою по этому пути и значительную часть пролетаріата. Сила индустріальнаго соціализма есть вмѣстѣ съ тѣмъ и его слабость: тамъ, гдѣ односторонній индустріальный соціализмъ имѣетъ наибольшую силу—тамъ же наиболѣе обнаруживается и его ахилесова пята, его опасность имперіалистическаго вырожденія. Но что сказать о немъ въ странахъ, являющихся не столько дѣйствующими лицами, субъектами имперіалистической политики, сколько ея объектами, ея предметами, ея предполагаемой добычей? Что сказать о немъ въ странахъ, народнохозяйственная жизнь которыхъ своимъ центромъ тяжести имѣетъ аграрную область? Въ странахъ, гдѣ такой односторонній индустріальный соціализмъ ограниченъ крайне тѣсными пространственными рамками, и этимъ осужденъ на длительную бездѣйственность? Въ странахъ, гдѣ, не связавшись съ трудовыми массами деревни, онъ рискуетъ быть обреченнымъ на изолированность и слабосиліе?

Таковы мотивы, по которымъ я чрезвычайно сожалѣю, что комиссія, а за нею и вся конференція, недостаточно пошла навстрѣчу тѣмъ поправкамъ, которыя были нами предложены, и недостаточно отвлеклась отъ «принципіальныхъ различій въ области теоретическаго обоснованія соціализма», раздѣляющихъ отдѣльныя соціалистическія теченія и фракціи.

Не менѣе серьезенъ другой недостатокъ манифеста, который мы также пытались устранить соотвѣтствующей поправкой.

Манифестъ коротко, ясно и категорически высказывается относительно причинъ этой войны, называя ее «продуктомъ имперіализма». Это утвержденіе вѣрно. Но не менѣе вѣрно и то, что она является продуктомъ не одного лишь импе-

ріализма; что въ своемъ кровавомъ дѣлѣ капиталистическій имперіализмъ имѣлъ могущественныхъ сообщниковъ.

Въ войнѣ принимаютъ участіе не только государства, въ которыхъ капитализмъ такъ могущественно развился, что вступилъ въ самую высшую, имперіалистическую стадію своего развитія. Въ ней участвуютъ и такія страны, какъ Россія, гдѣ имперіализма въ строгомъ, научномъ смыслѣ этого слова нѣтъ и быть не можетъ, гдѣ существуетъ развѣ только карикатурное подражаніе ему, напоминающее про басню о «лягушкѣ и волѣ». Россія экономически доселѣ еще является наполовину «колоніей» для чужого имперіалистическаго культуръ-трегерства. Тѣмъ не менѣе, иностранная политика Россіи не чужда захватническихъ поползновеній. Только природа этихъ захватническихъ поползновеній иная, болѣе примитивная, носящая на себѣ печать предшествовавшихъ капитализму эпохъ. Абсолютизмъ, дворянство и бюрократія—вотъ эти силы стараго времени, которымъ также всегда было свойственно стремиться къ пространственному расширенію области своего господства. Этотъ независимый отъ современнаго капиталистическаго имперіализма источникъ войнъ существуетъ, и не только въ одной Россіи, и онъ долженъ быть указанъ на ряду съ нимъ, какъ соучастникъ.

Исходя изъ этихъ соображеній, мы предложили ввести въ резолюцію новый абзацъ, хотя бы самый краткій, гласящій: «Во второй линіи важнѣйшей изъ причинъ современной міровой войны является существованіе въ нѣдрахъ современнаго буржуазнаго общества пережитковъ прошлаго—абсолютизма и полуабсолютизма, въ лицѣ монархическихъ династій, съ ихъ дворянствомъ и юнкерствомъ, усугубляющихъ своимъ вліяніемъ всѣ самыя темныя и отрицательныя стороны господствующаго буржуазно-капиталистическаго режима».

Спрашивается: что можно имѣть по существу противъ такого рода поправки, исправляющей тотъ недостатокъ манифеста, которому Моргари далъ мѣткое имя симплизма?

Ужъ не думаетъ ли кто-нибудь, будто такое указаніе какъ бы смягчитъ отвѣтственность всего капиталистическаго режима,

переложивъ извѣстную долю ея съ силъ настоящаго на силы прошлаго?

Какъ разъ напротивъ. Упоминая объ обсолютистскихъ и полуабсолютистскихъ соучастникахъ того преступленія противъ человѣчества, въ которомъ мы обвиняемъ весь буржуазный міръ, мы лишній разъ касаемся одной изъ худшихъ болячекъ этого міра. Мы напоминаемъ буржуазіи о томъ, что она, когда-то гордо выступавшая противъ абсолютизма и дворянскихъ пережитковъ феодальнаго строя, очень быстро, передъ лицомъ грозы растущаго рабочаго движенія, измѣнила боевымъ лозунгамъ своей мятежной юности и пошла на сдѣлку съ ними, и сдѣлку, для себя иногда самую позорную: что она не только враждебна логическому продолженію своихъ освободительныхъ лозунговъ, ихъ перенесенію въ область экономической эмансипаціи человѣчества, но не въ состояніи довести до конца и чисто правовой и политической эмансипаціи.

Что же еще можно возразить противъ нашей поправки? Мнѣ возражали, что, вступивъ на путь исчерпывающаго указанія основныхъ источниковъ войны, нельзя было бы остановиться на однихъ остаткахъ абсолютизма и феодализма. Но какія же еще причины могутъ претендовать хотя бы приблизительно на столь же существенное значеніе? Только одна: существованіе въ современной Европѣ Гордіева узла неразрѣшенныхъ національныхъ проблемъ, сказавшагося прежде всего въ непосредственномъ поводѣ войны—пансербскомъ движеніи, а затѣмъ въ ея осложняющихъ моментахъ—итальянской и эльзасъ-лотарингской ирридентѣ, польскомъ и армянскомъ стремленіи къ національному возрожденію. Но я сталъ бы возражать противъ того, чтобы манифестъ въ числѣ другихъ признаковъ банкротства буржуазнаго строя указалъ и его «полную неспособность найти и осуществить въ правовыхъ формахъ разрѣшеніе національной проблемы». Для этого не нужно было перерабатывать всего манифеста. Это можно было бы сдѣлать въ двухъ-трехъ строчкахъ.

Я слышалъ на конференціи горячую и прочувствованную рѣчь тов. Лапинскаго, который отъ имени польской делегаціи взывалъ къ соціалистической совѣсти всей конференціи вообще

и нѣмецкихъ товарищей въ частности, требуя, чтобы они измѣнили свое отношеніе къ польскому движенію,—отношеніе, слишкомъ часто вдохновлявшееся духомъ централизма, и потому недостаточно внимательное къ законнымъ національнымъ правамъ польской части пролетаріата современной Германіи. Нарисованная имъ яркая картина трагедіи многострадальной польской націи произвела, и не могла не произвести сильнаго впечатлѣнія на собраніе. И если бы манифестъ не замолчалъ нанесенныхъ исторіей и усугубляемыхъ буржуазнымъ имперіализмомъ ранъ живому тѣлу цѣлаго ряда національностей-пасынковъ,—ранъ, вѣчно грозящихъ раскрыться и подвергнуть опасности европейскій міръ—что потеряла бы этимъ конференція? Ничего, кромѣ свойственнаго нынѣ манифесту оттѣнка симилизма, упрощенности. Такую потерю можно было бы лишь привѣтствовать.

Я не стану долго останавливаться на другомъ возраженіи, которое мнѣ было предъявлено однимъ изъ членовъ комиссіи: именно, будто бы всѣ эти династическіе интересы, остатки полуабсолютизма и т. п. «подразумѣваются» въ манифестѣ, входя, какъ составная часть, въ понятіе «имперіализма». И хотя этотъ отвѣтъ сопровождался одобреніемъ большинства собранія, но это было слишкомъ явнымъ faux pas. Правда, въ бесѣдѣ съ Вандервельдомъ русскій посолъ кн. Кудашевъ заявилъ однажды, что русская почтовая цензура не сможетъ пропустить его письма къ русскимъ соціалистамъ, ибо Россія—и м п е р і я, а въ письмѣ осуждается и м п е р і а л и з м ъ. Но простительное для кн. Кудашева, для котораго научный соціализмъ есть книга за семью печатями,—непростительно для членовъ соціалистической конференціи. Они не имѣютъ права не знать, что понятіе «имперіализма» въ соціалистической теоріи не включаетъ въ себя, несмотря на всѣ внѣшнія созвучія, ничего кромѣ стремленія высоко развитого индустріальнаго и финансоваго капитализма, переступая узкія границы націи, подчинять себѣ прямо или косвенно все болѣе и болѣе обширныя области аграрнаго характера. Этотъ имперіализмъ можетъ дружить или ссориться съ династіями, дворянствомъ, высшей военной кастой, но сами по себѣ они для него—элементы посторонніе...

Спрашивается теперь: почему я придавалъ и придаю такое

большое значеніе этой своей поправкѣ? Почему послѣ того, какъ она была отвергнута (мимоходомъ сказать, слабымъ большинствомъ при значительномъ числѣ воздержавшихся), я счелъ себя вынужденнымъ воздержаться при голосованіи манифеста?

Конечно, лишь потому, что ея смыслъ не ограничивается лучшимъ теоретическимъ освѣщеніемъ причинъ войны—научные вопросы рѣшаются не голосованіями партійныхъ совѣщаній—но и подчеркиваетъ опредѣленные моменты насущнаго политическаго значенія. Мы не имѣемъ права не настаивать на отвѣтственности монархическихъ началъ въ моментъ, когда исторія ставитъ передъ главнѣйшими странами средней и восточной Европы ребромъ вопросъ о сведеніи съ ними счетовъ.

Габсбурги, Гегенцоллерны и Романовы ищутъ въ этой войнѣ укрѣпленія своего престижа и авторитета. Наша задача—добиться, чтобы въ этой войнѣ они свернули себѣ шею.

Но—скажутъ намъ—въ манифестѣ сказано даже больше этого: тамъ сказано, что борьба за миръ должна быть вмѣстѣ съ тѣмъ борьбой за соціализмъ!

Это—не аргументъ. Мы всегда боремся за соціализмъ, и повторить сакраментальную фразу о томъ, что мы хотимъ быть могильщиками всего капиталистическаго общества—значить либо сказать слишкомъ много, либо ничего не сказать.

Это было бы слишкомъ много—если бы манифестъ приглашалъ къ немедленной соціалистической революціи, считая, что для нея всѣ условія—хозяйственныя, политическія и психологическія—вполнѣ созрѣли. Но этого манифестъ не говоритъ,—и какъ могъ бы онъ это говорить, послѣ того, какъ сама конференція была нагляднымъ свидѣтельствомъ того, какъ много отпало отъ соціализма лицъ и организацій, какъ мало осталось твердыми «на славномъ посту» защиты международнаго братства и соціализма? Но если такъ, то формула борьбы за соціализмъ остается слишкомъ общей, элементарной, ничего конкретнаго не говорящей,—чисто азбучной.

Для насъ, русскихъ, «само собою подразумѣвается» многое такое, что совсѣмъ иначе звучитъ для западно-европейскихъ

соціалистовъ. Такъ, въ программахъ всѣхъ нашихъ соціалистическихъ партій стоитъ открыто формулированное требованіе замѣны монархіи республикой. Только «н. с.—ы» рѣшились въ своей программѣ обойти этотъ «колючій» вопросъ молчаніемъ,— и небезнаказанно: не дали ли они этимъ самымъ повода подозрѣвать себя въ худшемъ видѣ политическаго оппортунизма? Вспомнимъ, однако, что германская соц.-демократическая партія въ своей программѣ-минимумъ также благоразумно избѣгаетъ прямо произнести слово «республика»...

Значитъ ли это, что н. с.—ы не такіе ужъ оппортунисты? Или значитъ, что германская соц.-демократія широко открыла двери политической двусмысленности?

Я думаю, что послѣднее. И послушайте, какимъ спокойнымъ и увѣреннымъ тономъ пишетъ, напр., Вольфгангъ Гейне въ «Süddeutsche Monatshefte»: «всякій знаетъ, что замѣна германской монархіи республикой въ ближайшія времена является вопросомъ не практической политики, а чисто теоретическимъ», и потому «у соц.-демократіи не будетъ ни времени, ни желанія слишкомъ много говорить и думать о республикѣ». Или Кольбъ, въ своей «Die Socialdemokratie am Scheidewege»: «ни сегодня, ни вообще въ доступное для нашихъ политическихъ разсчетовъ время теоретическій принципъ республиканизма не имѣетъ и не получитъ практическаго значенія—это слишкомъ ясно со всѣхъ точекъ зрѣнія доказала нынѣшняя война»...

Гейне и Кольбъ—извѣстные оппортунисты. Но эти и подобныя имъ заявленія—увы!—доселѣ не встрѣтили со стороны лѣваго крыла соц.-демократіи достаточно энергичнаго протеста—протеста словомъ и дѣломъ! И жаль, что и въ манифестѣ отвѣтственность за войну монархическо-династическихъ элементовъ и дворянско-юнкерскихъ ихъ клевретовъ остается замолчанной, утопленной въ общей безличной отвѣтственности, которую мы возлагаемъ на имперіалистическую эволюцію современнаго капитализма...

Для насъ, русскихъ, это особенно нежелательно. Мы въ первой очереди должны будемъ вести въ своей странѣ непримиримую борьбу противъ царизма, устанавливать его отвѣт-

ственность въ этой міровой трагедіи, доказывать, что искать выхода изъ кроваваго тупика нельзя, не свергнувъ ненавистнаго абсолютизма. И мы будемъ правы, ибо по степени виновности въ этой войнѣ Романовы идутъ непосредственно вслѣдъ за Габсбургами и Гогенцоллернами. Но какъ же послѣ этого въ общемъ соціалистическомъ манифестѣ умолчать о кровавой отвѣтственности всѣхъ главныхъ династій? *).

И безъ того слишкомъ часто соціализмъ Второго Интернаціонала—черезчуръ смирный, легализированный и лойализированный—вмѣсто того, чтобы рѣзко и прямо выступать противъ монархически-династическихъ началъ, искалъ обходныхъ путей. Дѣло дошло до того, что австрійскіе соц.-демократы на Штутгардтскомъ международномъ конгрессѣ сами добродушно посмѣивались надъ данной имъ кличкой «kaiserlich-königliche Sozialdemokraten». И въ данный моментъ, когда побѣдные лавры Вильгельма II безспорно грозятъ служить къ вящему упроченію гогенцоллернской династіи—теперь, спрашиваю я, не насталъ ли моментъ «брать быка прямо за рога»? Или предпочтительнѣе держаться оппортунистической «линіи наименьшаго сопротивленія»?

И пусть не подумаютъ, будто мы политическимъ вопросомъ хотимъ отодвинуть на второй планъ соціальный. Въ эпохи обостренныхъ классовыхъ антагонизмовъ чисто политическія революціи невозможны. Чисто политическими могутъ быть развѣ лишь поверхностные дворцовые перевороты. Всякая массовая революція перемѣщаетъ въ классовомъ смыслѣ центръ тяжести общественной власти и тѣмъ самымъ превращается въ революцію соціальную. Наше дѣло—углублять и расширять это соціальное содержаніе революціи. Но для этого сначала надо быть дѣйствительно революціонерами

---

*) Принято думать, что монархическія династіи другихъ странъ—сравнительно «невинныя» и «безобидныя» величины. Однако, хотя бы интервью Саландры съ Караффа д'Андріа показало, какую большую роль интересы Савойскаго дома сыграли въ военныхъ авантюрахъ Италіи. О маленькихъ династическихъ мегаломанахъ Балканскаго полуострова и говорить нечего. Вообще, эти убаюкивающія пѣсенки о «безобидности» остатковъ монархизма — «вещь опасная, которая еще будетъ когда-нибудь прекрасно использована контръ-революціей!

въ прямомъ, житейски осязательномъ, а не абстрактномъ только смыслѣ этого слова. Ясно, съ чего придется начать: перевѣдаться съ монархическими держателями власти въ основныхъ трехъ реакціонно-милитаристскихъ странахъ—Австріи, Германіи и Россіи. И вотъ почему особенно важно подчеркивать, а не затушевывать ихъ отвѣтственность. Въ манифестѣ есть лишь одно мѣсто, гдѣ говорится о монархіи и республикѣ: «монархическія, какъ и республиканскія правительства... всѣ несутъ на себѣ въ полной мѣрѣ тяжесть отвѣтственности за эту войну, которая въ капиталистическомъ режимѣ имѣетъ свое происхожденіе»—и т. д., и т. д. И я сильно боюсь, что безъ моей поправки это мѣсто дастъ поводъ къ перетолкованіямъ въ томъ смыслѣ, что мы все валимъ въ одну кучу и при буржуазномъ строѣ готовы безразлично относиться къ разницѣ между монархіей и республикой!

Таковы мотивы, по которымъ отверженіе нашей поправки со стороны конференціи я считаю большой ошибкой, такой большой, что свой протестъ противъ нея я считалъ нужнымъ подчеркнуть своимъ воздержаніемъ при голосованіи манифеста *). Я сдѣлалъ это съ сожалѣніемъ и даже съ горечью.

*) Въ моментъ печатанія этой брошюры я долженъ добавить, что отъ имени Межд. Соц. Комиссіи въ Бернѣ тов. Гриммъ сообщилъ намъ въ письмѣ, адресованномъ Центр. Ком. Партіи С.-Р.», слѣдующее разъясненіе, которое даетъ намъ извѣстное моральное удовлетвореніе:

Дорогіе товарищи!

Отвѣчая на Вашъ запросъ, могу сообщить, что, по моему мнѣнію, Вы совершенно вправѣ заявить Вашимъ товарищамъ и героическому пролетаріату Россіи, что Циммервальдская международная соціалистическая конференція по существу была совершенно согласна съ формулировками тов. Чернова по вопросу объ отвѣтственности въ этой войнѣ монархическихъ династій, и въ частности царизма. Если конференція отклонила поправку товарища Чернова, то это случилось не потому, чтобы она съ нею была не согласна, но лишь потому, что уже было трудно вносить въ манифестъ дальнѣйшія частности. Если бы пришлось войти въ дальнѣйшіе связанные съ этимъ вопросы, то потребовалась бы полная переработка текста, что изъ-за недостатка времени являлось бы болѣе невозможнымъ. Я надѣюсь, что на первое время для Васъ будетъ достаточно этого заявленія и что оно позволитъ Вамъ устранить всѣ возможныя недоразумѣнія.

Съ соціалистическимъ привѣтомъ
за Межд. Соц. Комиссію въ Бернѣ Р. Гриммъ

Ничего я такъ горячо не хотѣлъ, какъ имѣть возможность поддерживать въ литературѣ всѣ идеи манифеста безъ всякихъ оговорокъ. Но и теперь, когда меня лишили этой возможности, я говорю: ничьего положительнаго отношенія къ дѣлу, начатому конференціей и продолжаемому образованной на ней Международной Соціалистической Комиссіей, этотъ фактъ измѣнить не долженъ и не можетъ. Русская пословица говоритъ: «ошибка въ фальшь не ставится». Безъ ошибокъ трудно обойтись въ новомъ дѣлѣ, и ошибки бываютъ поправимы. Въ числѣ подписей подъ манифестомъ отъ русской делегаціи есть и подпись представителя соціалистовъ-революціонеровъ— т. Боброва *). Мы, соціалисты-революціонеры интернаціоналисты,—а я глубоко убѣжденъ, что мы составляемъ громадное, подавляющее большинство въ нашей партіи—примыкаемъ къ новосозданному центру международной соціалистической акціи противъ войны. И каковы бы ни были наши разногласія съ другими элементами интернаціоналистическаго движенія — въ борьбѣ они увидятъ насъ всегда рядомъ съ собою, плечемъ къ плечу—и, я вѣрю, не въ послѣднихъ рядахъ!

---

*) Т. Бобровъ былъ делегированъ интернаціоналистическимъ большинствомъ заграничной делегаціи П. К.; пишущій эти строки—организаціей «Жизнь». Всѣ поправки и заявленія мы вносили солидарно. Основную поправку мы внесли вмѣстѣ съ т. Роландъ-Гольстъ.

ОТКРЫТЫЙ ВОПРОСЪ.

Одинъ изъ самыхъ острыхъ вопросовъ, которые дебатировались на Циммервальдской конференціи, былъ вопросъ о новой оріентаціи европейскаго рабочаго движенія въ сторону революціонныхъ средствъ борьбы. Онъ оставленъ пока «открытымъ». Для его рѣшенія не оказалось налицо достаточной подготовки.

И неудивительно. Рѣчь идетъ о вопросѣ, почти похороненномъ въ соціалистической литературѣ послѣдняго періода, послѣ того, какъ въ знаменитомъ предисловіи къ Klassenkämpfe Энгельсъ, съ высоты своего военно-техническаго авторитета, объявилъ баррикады и уличные бои разъ навсегда похороненными исторіей. Правда, приблизительно въ то же время, въ поискахъ новыхъ формъ для революціонной борьбы пролетаріата, было обрѣтено новое средство мобилизаціи рабочихъ—всеобщая стачка. Но мобилизація сама по себѣ лишь въ томъ случаѣ можетъ оказать все свое дѣйствіе, когда она—угроза и прелюдія военныхъ дѣйствій, когда она—сборъ силъ, начинающихъ демонстрировать и въ процессѣ столкновенія съ силами правительства готовыхъ перейти къ инсуррекціи. А между тѣмъ, всѣ, рѣшительно всѣ инсуррекціонные методы были разсмотрѣны по одиночкѣ соціалистической теоріей и сданы въ архивъ, какъ пережитки періода революціоннаго романтизма, отжившіе свой вѣкъ и умершіе безвозвратно. Оставались стачки, какъ самодовлѣющее средство, какъ революція «скрещенныхъ рукъ» или, какъ насмѣшливо про нее иногда выражались, «лѣнивая революція». Ея дѣйственная сила законно внушала самыя серьезныя сомнѣнія...

Понятно, что при такихъ условіяхъ все больше и больше фактически укрѣплялась вѣра въ легальность. Ее, правда, было

трудно оправдать какими-нибудь положительными доводами. Возможно, конечно, въ той или другой отдѣльной странѣ исключительно благопріятное сочетаніе условій, благодаря которому ликвидація буржуазнаго строя осуществится постепенно, мирнымъ путемъ. Какъ ни мало вѣроятно, чтобы буржуазія сдала свои позиціи безъ боя, однако, теоретическая возможность л о к а л ь н а г о мирнаго исхода не исключена. Но вѣдь здѣсь рѣчь идетъ не объ исключительныхъ мѣстныхъ условіяхъ, а объ общемъ правилѣ. Мыслимо ли представить себѣ, чтобы такой энергичный, властный, беззастѣнчивый, привыкшій къ риску и авантюрамъ классъ, какъ буржуазія, позволилъ бы себя понемногу легально обезоружить, связать по рукамъ и ногамъ и затѣмъ «потихохоньку, полегохоньку»—какъ поется въ народной пѣсенкѣ—экспропріировать? А если нѣтъ, то въ общемъ и цѣломъ вопросъ рѣшится путемъ борьбы съ оружіемъ въ рукахъ. И, слѣдовательно, пролетаріатъ долженъ быть готовъ къ перспективамъ чисто-революціоннаго характера. Эти перспективы должны въ умѣ его принять характеръ не какихъ-то туманныхъ абстракцій, платоническихъ признаній «въ принципѣ» (графъ Бисмаркъ ядовито говорилъ, когда-то, что «принять въ принципѣ» на дипломатическомъ языкѣ практически означаетъ—отвергнуть), а вполнѣ конкретныхъ тактическихъ заданій, къ разрѣшенію которыхъ должна подготовлять вся организаціонная практика.

Казалось бы, все это не только ясно, но и неоспоримо. На дѣлѣ, однако, к а з а л о с ь одно, а о к а з а л о с ь другое. Какъ ни мало можно было обосновать чисто-легалистскую оріентировку рабочаго движенія, но именно по этой покойной, проторенной колеѣ направлялось все мышленіе соціалистическихъ вождей и теоретиковъ. Относительно мирный, переходный характеръ предшествовавшей эпохи позволялъ откладывать до будущаго самые острые и колючіе вопросы тактики открытыхъ рабочихъ выступленій. Зато тактика соціалистовъ въ парламентахъ, въ ландтагахъ, въ провинціальныхъ совѣтахъ, въ муниципіяхъ, въ кооперативахъ и т. п. разрабатывалась до мельчайшихъ деталей. Вопросы о б у д у щ е й революціонной борьбѣ

могли подождать—довлѣетъ дневи злоба его! Правда, думать лишь о сегодняшнемъ днѣ было бы слишкомъ близорукимъ и недостойнымъ соціалистовъ. Но психологическая подкладка откладыванія ихъ ad calendas graecas была другая. Вопросы эти, въ сущности, смутно ощущались и чувствовались, какъ неразрѣшимые. Они только смущали и тревожили умы. Здѣсь лежала какая-то terra incognita. Здѣсь предстоялъ какъ бы «прыжекъ въ неизвѣстное». Кому же была охота бросаться въ область какого-то—пока хотя бы лишь мысленнаго—«революціоннаго авантюризма», когда передъ рабочими партіями лежалъ открытый, хорошо знакомый путь дѣятельности, не выходившей или почти не выходившей изъ рамокъ буржуазной легальности, путь дѣятельности, по существу реформистской, какими бы революціонными теоріями и отдаленными прогнозами она ни вдохновлялась?

Сила ревизіонизма, столько разъ теоретически побитаго и похороненнаго въ оффиціальныхъ партіяхъ, въ томъ-то и заключалась, что практика соціалистическихъ партій въ цѣломъ, включая и самые лѣвые ихъ элементы, была насквозь реформистской практикой. Одни, правда, этотъ практическій реформизмъ момента считали за нѣчто временное, подготовительное по отношенію къ будущему, тогда какъ другіе преспокойно возводили его въ вѣчную тактическую норму. Но «дѣло не въ словѣ, а въ дѣлѣ». Какъ себѣ люди объясняютъ, формулируютъ, обосновываютъ свое поведеніе—всегда менѣе важно, чѣмъ то, какъ складывается ихъ фактическое поведеніе. А фактическое поведеніе соціалистическихъ партій всецѣло опредѣлялось моментомъ. Оно стояло подъ знакомъ мирной работы, какъ бы ни старались нѣкоторые элементы соціализма—одни изъ здороваго чувства революціоннаго самосохраненія, другіе ради фразы и позы—поддержать свой духъ платоническимъ революціоннымъ молитвословіемъ. Въ ежедневной практикѣ тѣ и другіе, реформисты и революціонеры, мало чѣмъ отличались другъ отъ друга. И во всякомъ случаѣ эта ежедневная практика сама по себѣ совершенно не подготовляла къ тому, чтобы встрѣтить лицомъ къ лицу такія событія, которыя поставятъ соціа-

лизмъ посреди исторически готовой революціонной ситуаціи. Напротивъ, все обѣщало, что съ соціализмомъ повторится старая исторія о дѣвахъ, у которыхъ не оказалось масла въ свѣтильникахъ, когда пришелъ женихъ.

Болѣе того, близорукое отстраненіе отъ себя, откладываніе ad infinitum вопроса о революціонныхъ средствахъ борьбы не могло не возбуждать во многихъ тревогъ и сомнѣній. Требовалось психологически чѣмъ-нибудь отогнать ихъ. На помощь пришелъ близорукій оптимизмъ. Примѣръ былъ поданъ тѣмъ же Энгельсомъ, торжественно провозгласившимъ, что дѣла соціальдемократіи обстоятъ прекрасно именно въ рамкахъ буржуазной легальности; что буржуазныя партіи чѣмъ дальше, тѣмъ больше получаютъ право повторить старую фразу, формулу всѣхъ отживающихъ историческихъ силъ—la legalité nous tue, легальность насъ убиваетъ. Но разъ это такъ, то именно соціальдемократіи и слѣдуетъ елико возможно полнѣе, настойчивѣе и всестороннѣе держаться за эту легальность. Убійственная для враговъ соціальдемократіи, она благотворна для этой послѣдней. «При режимѣ легальности»,—съ удовольствіемъ замѣчалъ Энгельсъ,—мы, въ противоположность нашимъ врагамъ, нагуливаемъ себѣ здоровые мускулы и красные щеки». Онъ не замѣтилъ лишь, что при вѣчномъ одностороннемъ и упорномъ приспособленіи къ буржуазной легальности рискуешь нажить себѣ вмѣстѣ съ красными щеками и солидное буржуазное брюшко, и что кажущееся нагуливаніе мускуловъ можетъ оказаться ихъ жировымъ перерожденіемъ. Слишкомъ крупныя овощи часто оказываются «квелыми», дряблыми, съ пустотами внутри. И эта роковая война показала, что «пустотъ внутри» въ современномъ соціализмѣ — увы! — накопилось слишкомъ много.

Созданіе новаго Интернаціонала предполагаетъ, какъ необходимое предварительное условіе, полную ясность въ вопросѣ о революціонныхъ средствахъ борьбы, о формахъ борьбы съ оружіемъ въ рукахъ, которыми располагаетъ рабочій классъ во время критическихъ моментовъ въ исторической жизни народовъ—тѣхъ моментовъ, къ которымъ мы прилагаемъ назва-

ніе «революціонная ситуація». И пусть намъ не отвѣчаютъ на это, что «революцію дѣлаютъ, но о ней не говорятъ». Это значитъ отмахиваться отъ вопроса прилично звучащей фразой. Мы на нее отвѣтимъ: когда о революціи совершенно не говорятъ, то это вѣрный признакъ, что ее не только «не дѣлаютъ», но и не собираются дѣлать.

А мы должны ее дѣлать, ибо сама жизнь ведетъ къ ней и влагаетъ въ наши руки мечъ. Неужели же онъ бэзсильно и безславно выпадетъ изъ нашихъ рукъ? Да не будетъ этого!

ОГЛАВЛЕНІЕ

Партія Соціалистовъ-Революціонеровъ.

Петроградская Издательская Комиссія.

Галерная, 27.

1. Наша программа (популярн. излож.) . . . . 10 к.
2. Программа и аграрный законопроектъ, внесенный во 2-ю Госуд. Думу . . . . 10 »
3. *Н. Быковскій.*—«Для чего нуженъ Совѣтъ Крестьянскихъ Депутатовъ» . . . . 10 »
4. *Гардинсъ.*—«Почему я соціалистъ» . . . . 12 »
5. *Лаврусевичъ.*—«Чего хотятъ друзья народа» . . 30 »
6. Соціалиста словили . . . . 10 »
7. *Новоторжскій.*—«Соціализація земли» . . . . . 15 »
8. *Е. Лазаревъ.*—«Какъ крестьянамъ дали волю» . . 15 »
9. *Дикштейнъ.*—«Кто чѣмъ живетъ» . . . . 15 »
10. Наша платформа къ выборамъ въ гор. Думы . . 10 »
13. *В. Черновъ.*—«Война и третья сила» . . . . . . 50 »
14. *В. Черновъ.*—«Интернаціоналъ и война» . . . . 50 »

Печатаются:

Донское Казачье Войско.

Ст. Слетовъ.—«Къ исторіи возникновенія Партіи С.-Р.».

А. Тунъ.—«Исторія революціонн. движенія въ Россіи», съ прим. Л. Э. Шишко.

Э. Шеффли.—«Квинтъ-эссенція соціализма», съ прим. Лаврова.

В. Черновъ.—«Крестьянинъ и рабочій, какъ экономическія категоріи».

А. Н.—«Что нужно рабочему народу».

Б. Коварскій.—«Е. К. Брешковская».

Б. Коварскій.—«Сокращеніе рабочаго времени и 8-ми часовой рабочій день».

А. Шрейдеръ.—«Царь-Голодъ».

В. Цвѣткова.—«Какъ лучше раздѣлить землю».

М. Вишнякъ.—«Личность въ правѣ».

Глыба.—«Разговоръ солдатъ объ отреченіи царя».

В. Черновъ.—«Сквозь туманъ грядущаго».

Типографія П. П. Сойкина. Петроградъ, Стремянная, 12.

